

Николай НАСЕДКИН

КРИМИНАЛ – ШОУ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Николай Наседкин
Криминал-шоу. Повести

«ЛитРес: Самиздат»

1997

Наседкин Н. Н.

Криминал-шоу. Повести / Н. Н. Наседкин — «ЛитРес: Самиздат», 1997

В сборник вошли остросюжетные повести «Криминал-шоу», «Прототипы», «Казарма» и др. Для всех произведений характерны необычность сюжета, захватывающие, увлекательные события, которые держат читателя в напряжении от первой до последней страницы. Все эти криминальные истории напомним читателям простую, но часто забываемую истину – только с согласия человека можно его запугать, унижить, искалечить, убить. Если человек не трусит, не поддаётся агрессии, злобной силе, — он непобедим. Впервые книга «Криминал-шоу» вышла в московском издательстве «Голос» в 1997 году. Содержит нецензурную брань.

© Наседкин Н. Н., 1997

© ЛитРес: Самиздат, 1997

Содержание

КРИМИНАЛ-ШОУ	5
СПОРТЛОТО-91	58
Конец ознакомительного фрагмента.	66

КРИМИНАЛ-ШОУ

Повесть

I

День начался, конечно, со скандала.

Да, этот роковой для Игоря летний день начался с тривиального семейного скандала, как пишут в милицейских корявых протоколах, – на почве пьянства.

Игорь не спал уже с шести. Испарина, словно душный полиэтилен, облепила тело. Жидкие мозги под черепной коробкой побулькивали-кипели. В горле будто непрожёванный кусок застрял – сглотнуть его никак не удавалось. В животе по кругу крысой ползала жгучая боль, покусывая и царапая внутренности. Каждое прикосновение студенистого тела жены приводило в бешенство. А она, по своей дурацкой привычке, во сне жалась к нему, пыталась навалить поперёк тяжёлую ногу, перекидывала пухлую руку через шею. А на этом разборном диване-недомерке и не отодвинешься. Надо было, идиоту, на раскладушке лечь.

«Эх, вторую бы комнату!» – мерцнула в воспалённом мозгу всегдашняя мысль.

Что всего более досадно – сам Игорь в своих страданиях виноват. Нет, не в том, что вчера до положения риз напился, ужрался в зюрю, а в том, что не утерпел и перед самым сном жидкую заначку вылакал-таки. На кухне, на одном из шкафов, громоздилась батарея всяких экзотических бутылок: керамическая из-под рижского бальзама, литровая из-под венгерского вермута «Кармен», пузатая из-под болгарского бренди «Солнечный берег», мерзавчик стограммовый из-под американского виски «Ковбой»... И там, в этой коллекции, среди прочих укромно пряталась плоская фляжка из-под коньяка «Дербент» – похмельный тайник Игоря. Накануне он, по традиции, предусмотрительно заправил в «Дербент» граммов сто пятьдесят лекарства – на утро.

Ах, как бы он сейчас тихо-тихонечко встал – ни единая пружина треклятого дивана не посмела бы скрипнуть; как бы он на цыпочках, прямо так – голышом, прокрался на кухню; как бы выудил осторожно драгоценный «танкер» из стеклянной эскадры и... И, пожалуйста, перед тем как свалиться спать – всю водку выжрал. Как будто мало было пьяному скоту!

Это уже, разумеется, из лексикона Зои. Она, как всегда, дрыхла до визга будильника, ровно до семи. Заворочалась, завздыхала, принялась со сна зевать и потягиваться. Потом вспомнила, прошипела: «У-у, алкаш!», перелезла-перекарабкалась через мужа, напялила халат на толстые плечи.

И – началась пытка.

Все полтора часа, пока Зоя возюкалась на кухне, в ванной, затем в комнате перед зеркалом, Игорь, стиснув зубы, словно коммунист на допросе, страдал молча. Его, как обычно в такие утра, начало уже всерьёз мутить. Он зажимал себя из последних сил: что ни говори, а при благоверной всё же позорно скакать к унитазу и с громким ором выворачивать себя наизнанку. Да и повод ей давать для лишних оскорблений.

Он лежал, терпел, стеная про себя: «Уйди! Ну уйди же скорей!!» А тут ещё застучал прямо по мозгам сосед сверху. Мужик сшизился, видно, на ремонте квартиры – третий год покоя не давал, и когда работал во вторую смену, стучать-долбить-сверлить начинал прямо с подъёма. Строитель хренов! А тут и Зоя вдруг врубил свой ругательный вибратор на полную мощь. Она вообще-то побаивалась мужа, особо на рожон не лезла. Нет, рукоприкладством Игорь не занимался, Боже упаси, но морально супругу давил и подавлял – так уж получалось.

Обыкновенно Зоя или вообще молча собиралась на работу, или позволяла себе лишь сквозь зубы пошипеть как бы в сторону, пообзывать вполголоса. А тут как сорвалась с цепи – позвякивая-постукивая флаконами и тюбиками, понесла по нарастающей:

– Ну как можно, как можно! Алкаш пропащий! Ведь восьмой день хлещет! Когда ж упьётся-то, когда ж захлебнётся наконец! Дорвался – в отпуск пошёл... Где ты деньги берёшь, гад? Сколько ты спрятал от меня, спрашиваю? У-у-у, вражина алкашная! С телевидения выгнали, дождёшься – и с корректоров погонят. Перегаром всю квартиру пропитал – фу! У-у, гадина!..

Игорь собрал остатки сил, решил отбиться иронией, шуткой – высунул нос из-под одеяла, через боль оскалился.

– Зоя Михайловна, ну как же так? Сейчас к студентам придёте, будете сеять разумное, доброе и даже вечное, а? Где же ваша пединтеллигентность, чёрт возьми? А насчёт отпуска... Вы ж сегодня тоже последний день пашете, отправляйтесь и вы в загул – я разрешаю...

– У-у-у, вражина! Совсем стыд и совесть потерял. Не-на-ви-жу! – вскрикнула дрогнувшим голосом жена, стукнула крышкой серванта, пошла к выходу.

Слава Богу!

Только входная дверь хлопнула, организм, почуяв момент, окончательно взбунтовался. Игорь еле успел доплестись до ванной и минут десять смешил или пугал соседей, исполняя во всё горло отвратительный романс под названием «Выплёвывание внутренностей». Потом открыл кран, подставил ковшик ладоней под щиплющую холодом струю, плеснул живую воду на опухшее лицо – и это стало первым ласковым мгновением воспалённого тяжёлого утра.

Ещё и ещё Игорь погружал чужое лицо своё в живительную влагу, обретая всё более полное дыхание. Эх, сейчас бы душ контрастный минут на пять, но, как водится, на лето воду горячую отключили напрочь. С трудом, с рецидивными судорогами и позывами, удалось и почистить зубы – пришлось, правда, даже встать на колени перед раковиной, чтобы не склоняться над ней.

На кухне Игорь первым делом выудил-таки фляжку «Дербента», глянул – да, пустая. Ну что ж, ещё благо, что в холодильнике пол-литра минералки дожидается... Что за чёрт! Понятно, Зоя Михайловна из вредности выпила – до капельки. Пришлось набирать H₂O из-под крана. Игорь, выпив кружку залпом, нацедил вторую и пил уже маленькими глоточками, гася пожар внутри. Искоса он поглядывал на себя в большое круглое зеркало, висевшее сбоку от мойки. Да-а-а, видок... Усы, как всегда после пьянки, почему-то жёстко топорщатся во все стороны, глаза совсем заплыли – монгол монголом. Хорошо, что не так давно, к своему сорокалетию, Игорь справил себе наконец очки со стёклами-хамелеонами, есть теперь за что мешки подглазные прятать. А седины-то, седины-то – мамочка моя! А морщин-то – Боже мой! Да неужто – всё? Неужели юность-молодость прошла и миновала?..

Игорь сам знал-видел – за последнее время сдал он сильно. Если раньше он всегда лицом отставал от своего паспортного возраста, то в последние пять лет, после нелепой смерти сына, он догнал самого себя в возрасте, а теперь и стремительно обгоняет. Он мысленно увидел себя со стороны, с расстояния: в тесной кухоньке, забитой белыми шкапами, столами, холодильником, стоит перед зеркалом голый, в одних тапочках, сорокалетний гомо сапиенс, имеющий университетский диплом и престижную профессию тележурналиста, от которой его отлучили, стоит, дрожащий с похмелья, тощий, небритый, кривящийся от головной боли и не имеющий цели впереди...

Стоп, милые мои! Стоп, голубчики! Как это не имеющий цели, когда в укромном местечке лежит последняя, но весомая заначка в пять рублей?!

Шутка, конечно. Пятёрка – это по-старому. По-нынешнему, значит, – пять сотен, пять голубеньких легковесных бумаженций, сложенных пополам и таящихся в футляре фотоаппарата «Зенит», который висит под самым носом Зои Михайловны, сбоку на стеллажах.

Так, быстренько, быстренько одеться, побриться (ну как же небритым на улицу выйти, мы же энти – как их? – ынтыллихенция!), баночку, баллончик трёхлитровый сполоснуть надо, крышку плотную подобрать... А деньги-то! Денежки-бумажки чуть не забыл – вот хохма!

Игорь двигался всё суетливее, нервознее – во рту прямо-таки уже чувствовался терпкий вкус пива. Он выкорябал ассигнации из фотоаппарата, машинально глянул на счётчик – плёнка есть, ещё двенадцать кадров. Игорь уж и позабыл, когда последний раз взводил затвор «Зенита».

Накануне то и дело брызгал дождь. Игорь помнил: когда он брёл ночью *нах хаус*, то его на Набережной прихватил дождевой душ, пришлось даже под липой пережидать, обхватив-обняв её *древесные бёдра*. Было хмуро и сейчас, утром, но пока не капало. Эх, кабы солнышка кусочек, всё, глядишь, светлее на душе бы стало. В таком состоянии, как сегодня, Игорь улицу не любил. Вообще весь мир не любил.

Он, искоса, нервно поглядывая из-под затемневших очков на прохожих, заспешил через Интернациональную. Как раз напротив его подъезда начиналась улица Кооперативная, и на ней в третьем доме от угла, в подвале, находился пивной бар. Совсем рядышком: о чём ещё мечтать похмельному человеку?

Игорь уже перескочил широкую, как дружба между народами, Интернациональную, тщательно избегая сближения с бешеными авто, уже снял лишнее напряжение с себя, ступив на тротуар, как вдруг увидел «Жигули» прямо перед носом. Он еле успел отскочить, но «девятка», ухнув колесом в рытвину на газоне, достала его грязными брызгами, заляпала джинсы. Мать твою так! На этом перекрёстке проезда не было – стояли поперек бетонные клумбы и железный парапет. И вот, пожалуйста, наглые сволочары на колёсах придумали выруливать на главную улицу прямо через газон и по тротуару.

Впрочем, чёрт с ними! Надо пивка поскорей. Игорь слегка обтрусил штанину, вытер туфли о траву и устремился чуть не бегом к подвальному гадюшнику. Ещё на разбитых ступеньках в нос шибал такой крутой и вонючий смог, что свежего человека наверняка бы вывернуло. Хотя нога свежего человека на эти бетонные шербатые ступеньки вряд ли когда ступала.

Под низкими сводчатыми потолками в густом тумане помойных паров снулыми рыбами плавали утренние вялые клиенты. Возле стойки собралась толпишка. У Игоря сжалось сердце и скукожился желудок, но тут хрипловато-визгливый голос барменши подбодрил его:

– Ну-к, вы, с кружками, все за столы, к такой матери! Пошли отседа! Я только официанткам наливаю и в банки, навynos. Ну!

Страждущие из толпы взмолились было: Людмила Афанасьевна, мол, красавица, помираем, кружечку только... Но царица-хозяйка, эта самая «Людмила Афанасьевна» – низенькая жирная баба с носом-пяточком, размалёванным ртом, во рту золотая коронка поблёскивает, рядом чернеет корешок сгнившего зуба – вошла в раж.

– Я сказала и – ша!

Она вытерла руки о пятнистый фартук, на котором обильно блестели рыба слязь и чешуя, ухватила банку Игоря (по счастью, с тарой оказался он один), плеснула в неё щедро из пластмассового кувшина какие-то опивки и сунула под кран. Игорь скрутил себя: чуть слово против вякни – останешься и вовсе без пива. Нрав этой мурластой грязной самодурихи был ему отлично известен.

– И ещё, будьте так любезны, кружечку, – корректно сказал он, протягивая деньги.

– Рыбу надо брать, положено, – буркнула «Людмила Афанасьевна», но буркнула не напористо, не приказательно – всё же Игорь заметно отличался от обычной клиентуры.

– В следующий раз – двойную порцию, даю слово. А сегодня, уж простите великодушно, у меня изжога, – как можно обаятельнее скривился он.

Поддействовало. Запечатав банку и подхватив кружку с мутной жидкостью (пена опала-растворялась на глазах), он прошёл в другой зал, где торговали водкой. Как раз выходило

сто пятьдесят граммчиков. Игорь знал – этого будет мало, день только раскручивался. Игорь предчувствовал уже – и сегодня он унырнёт в загул, отпразднует на полную катушку. Только вот на что?.. Хотя, зачем об этом сейчас! Есть прекрасная мудрая поговорка: не переходи мост, пока до него не дошёл. Будет день и будет пища, вернее – питье.

Игорь взял стакан с водкой, сел за деревянный липкий стол, густо усеянный рыбьими останками, выдохнул перегар: вот он и наступил – лечебно-оздоровительный миг.

– Игорёк, привет!

Он, уже держа мерзко пахнувший стакан у губ, скосился – незнакомая физия, обросшая, со слюнявой пастью, с фингалом под глазом. Ясно. Игорь, не спеша, с усилием заглывая, выцедил отвратную жидкость, сразу, не переводя дыхания, припал к кружке, глотнул. Только потом, добавив на закуску пару порций спёртого воздуха, повернулся к соседу.

– Ну?

Тот умильно-жалобно заглядывал Игорю в глаза, прикланиваясь и теребя рваную кепчонку грязными лапами, прошептал со стоном:

– Игорь, друган, глоточек оставь, а... Помираю!..

Игорь в юности, когда ему едва стукнуло семнадцать, наотрез отказывался верить, что когда-нибудь пожалеет о наколке. Они тогда с другом-однокашником, глотнув винца, от скуки и по глупости решили подтатуироваться слегка. Он приятелю чуть выше запястья на левой руке, там где часы обычно носят, в виде печати круглой наколол с подсказки Тургенева: «Любовь – это внешние воды!» А дружок ему на пальцах левой руки написал подкожной тушью имя – Игорь. Винцо в конце концов тукнуло по молодым мозгам, «мастер» утратил чёткость движений, и в результате мягкий знак на мизинце скособочился-скорявился, получился похожим то ли на твёрдый знак, то ли на ископаемый ять. И теперь вот, спустя годы, Игорь действительно не раз уже пожалел о своём отроческом идиотизме – любая образаина узнавала его имя и фамильярничала.

Он сделал ещё пару глотков пойла и, отставив кружку с остатками к алкашу-бомжу, молча встал и пошёл. «Не дай Бог таким стать!» – кольнуло сознание, но в организме, он ощущал, уже забродили тонизирующие соки, запульсировала жизнь. Игорь нёс сумку не на плече, а в руке, на весу, стараясь не слишком плескать пиво. Сумка требовала внимания, он сосредоточился на ней, увлёкся и вздрогнул, когда опять на том же месте, уже на тротуаре Интернациональной, его напугал автомобильный рык.

Игорь отскочил, обернулся: чёрная «волжанка» вальяжно прокатила по грязной колее, выбралась вразвалку на пешеходный асфальт, осела, съезжая с бордюра на проезжую часть, прямо на «зебру», газанула и понеслась прочь. Игорь, раскалённый гневом, продолжал ещё стоять, сжимая кулаки. Какие же наглые свиньи! Весь тротуар чернел жирным газонным чернотёмом. За что только гаишники зарплату получают?!

Дома, уже ополовинив банку и всё более взбодряясь, Игорь завёлся всерьёз. Нет, что ж это такое? Значит, всякая сволочь, торгаш или проститутка, может давить всех вокруг, обливать грязью? Значит, если он едет на своей ворованной вонючей машине, то и закон для него не писан?

Трезвый – Игорь был человеком вполне благоразумным; пьяный – становился часто дураком. Лез на рожон, искал справедливости и попадал из-за этого в истории. Закипев, он уже не имел навыка остыть, остановиться, отступить. Ему и на этот раз пришла в голову гениальная идея. Он залпом хватанул ещё стакан пива, остатное закрыл и убрал в холодильник – вернётся через полчаса, дохлебает. Вместо тенниски и джинсов, облачился для солидности в светло-жёлтую рубашку с короткими рукавами и светло-серые брюки. Сунул в кармашек малиновое удостоверение члена Союза журналистов СССР – оно было уже недействительным, но вид имело внушительный. Снял с гвоздика «Зенит», перекинул через плечо.

Игорь занял боевую позицию на бордюре, метрах в десяти от двух накатанных грязных полос-следов на тротуаре. Он перевесил фотоаппарат на грудь, расчехлил, взвёл затвор, установил диафрагму и выдержку. Он чувствовал себя сильным, ловким, уверенным и грозным. Ничего-ничего – дрогнут. Увидят нацеленный объектив – остановятся, на попятную поедут. А кто совсем сверхнаглый, не обратит внимания: что ж, Игорь снимочки потом начальнику ГАИ под нос сунет – пускай разбирается.

Зачем ему, Игорю, всё это надо – он и сам толком не знал. Заело и всё. Противно, как эта наглая шушера господствует вокруг, как эти яйцеголовые торгаши-ворюги держат себя хозяевами жизни. Да и водка в организме, заключив альянс с пивом, подогревала мозг и нервы. Игорь в глубине души подозревал: наутро, проспавшись, он и думать забудет об этих снимках и всяких там гаишниках, но в данный момент пошёл кураж. Он им покажет кузькину мать, сволочугам!

В это, ещё предобеденное, время народу шаталось по улицам довольно мало. Сквозь разрывы в густых облаках порою прорывалось солнце. Игорь на всякий случай держал палец на кольце диафрагмы. Однако нахрапистые машины с Кооперативной что-то не рыпались.

Прошло с четверть часа. Игорь заскучал, да и, фактор серьёзный, дурное пиво запросилось наружу – как-никак больше двух литров принял. Игорь уже начал упаковывать фотоаппарат, как вдруг к закрытому перекрёстку подкатил голубой «Мерседес». Этих «мерсов» развелось нынче в городе, будто тараканов в пивнушке. На мгновение он притормозил, словно раздумывая, затем дёрнулся, убыстрил ход и уверенно въехал на газон.

Игорь вскинул «Зенит», увидел сквозь объектив совсем близко педерастическое авто, внутри углядел три силуэта и нажал спуск, стараясь не утратить из фокуса номер машины. Она не остановилась, не попятилась. Игорь резко дернул рычажок перевода пленки, совсем забыв, что он в его «Зените» уже клееный: пластмассовый курок – хруп! – и отломился. Чёрт! Игорь, склонился над фотоаппаратом, всматриваясь.

В этот миг кто-то жёстко ухватил его за волосы. Игорь рванулся, и тут же словно кувалда врезалась в его живот. Дыхание исчезло, кишки лопнули, и кипятки хлынули из них. Игорь краем сознания ещё улавливал, как его волокут, втискивают в машину, ещё слышал сквозь звон и гул чей-то густой голос:

– Э, закрой ему качан и пригни.

Голову ему укутало что-то пыльное, душное. Он судорожно вдохнул пару раз, дёрнулся. И тут же кулак-молот с яростью обрушился, раздробил затылок. Игорь обмяк, поплыл куда-то в неведомую тёмную даль, где впереди не видно ни всполоха, ни просвета.

Тьма.

II

Зоя пришла домой поздно, уже около семи. Последний экзамен затянулся, да пока отпускные получила: маялась в очереди к кассе, боялась, не хватит денег – такое случалось теперь сплошь и рядом. А потом ещё и в парикмахерскую завернула – разорилась на модельную. Хотелось праздника.

Она на всякий случай потревожила звонок, хотя не сомневалась – муж сейчас вряд ли дома. Уже по опыту и интуитивно она знала: Игорь ещё не остановился, пьёт. А пьёт-лакает он обыкновенно где-нибудь на стороне. Ну и ладно. С ходу, с порога ругань заводить не хотелось, она устала как собака. Зоя не любила свою работу. Работа выматывала её. Эти тупые студенты хронически индифферентны к немецкому языку. И как это Бог её угораздил судьбу свою связать с дойчем? Вон англичанки сейчас в их институте блаженствуют, денежки гребут – инглиш в моде, инглиш нарасхват...

Всё, тьфу, тьфу и тьфу! О работе – ни слова, ни мысли! Будем целый месяц отдыхать и говорить только по-русски.

Зоя закрыла дверь на цепочку, стянула туфли с отёкших ног, тут же, в коридорчике, блаженно расслабилась на пуфике, отрешилась на минуту от мира. Ноги гудели, постанывали, ныли. Зоя опять со страхом, с тоской подумала: что с нею будет лет через десять? Если, дай Бог, доживёт, конечно. Разнесёт как на дрожжах. Она уже и не ест почти, всякими диетами себя мучает, а платья так и трещат по швам. Врачи уверяют – всё от нервов. Нервы, нервы... Попробуй сохрани их при такой жизни.

Она нехотя встала, прошла на кухню поставить чайник. Что такое? Зоя взяла со стола стакан с мутными потёками, понюхала – пиво. Она открыла холодильник – банка с остатками пойла. Странно, обычно благоверный напоказ не гуляет, все свои отравы прятать пытается. Она открыла банку, понюхала: фу-у-у! И как же он эту мерзость пьёт? Моча мочой!

Поставив чайник на плиту, Зоя прошла в комнату, начала переодеваться. Гм, странно всё же... Что ж он, то ли так уж упился, что пиво забыл спрятать? Или он решил демонстрацию устроить, на скандал открыто нарываясь?.. Но как раз сегодня Зоя решила изо всех сил удерживать себя от брани. Она вряд ли поможет. Да и, опять же по опыту, Зоя догадывалась: очередной запой Игоря подходит к финишу – у него уже должны иссякнуть деньги, а муки совести, напротив, должны вот-вот проснуться. И тогда он станет вновь добрым, умным, хорошим и уж если не пылко любящим (чего кривить душой!), то, по крайней мере, внешне ласковым и отзывчивым.

Зоя любила своего мужа с каждым годом всё сильнее и отчаяннее. Поженились они – уже десять лет минуло, и достался Игорь ей, Зое, не за просто за так. Нет, многое Зое пришлось претерпеть – пережить прежде роман Игоря с её лучшей подругой юности Ариной. И все годы замужества, с первого дня, со свадьбы, Зоя всё время чувствовала-ощущала какую-то зыбкость, непрочность в их отношениях. Игорь словно смотрел всё время куда-то мимо неё, в сторону. Зоя боялась, что он в любой момент уйдёт и не вернётся. Никогда не вернётся.

Она сразу же быстро-быстренько родила ему сына, в муках, через кесарево – привязала покрепче, прочным узлом. И действительно, Игорь с головой окунулся в семейную жизнь – все вечера и выходные проводил дома, возился с Павликом, растил из него мужика. Пил он тогда умеренно, без надрыва. Целовал-миловал Зою, говорил ей жаркие слова.

Всё рухнуло в одночасье, в единый миг. Они всей семьёй гуляли в праздничный светлый вечер по Набережной. Развеселились, разыгрались. Игорь догонял Павлика, хлопая в ладоши, тот верещал от восторга, перебирал ножками, оборачиваясь на бегу. Зоя, тогда вполне ещё даже стройная, вышагивала следом, с улыбкой на них поглядывала. Звенело лето, буйствовала зелень, жизнь торжествовала и кипела.

А в это время по Набережной, закрытой для проезда, уже мчалась пьяная «Нива». А в этот миг Павлик в азарте бега уже кинулся, весело щебеча, сквозь деревья к дороге...

С кухни донёсся капризный свист. Зоя встрепенулась, возвратилась в сегодняшний день, пошла заваривать чай. Ну вот, мята как назло кончилась – придётся голую заварку сыпать. Зоя отрезала скромный ломтик сыра, очистила морковку, достала любимое клубничное варенье. Вот и весь ужин. Глухая тишина в квартире давила, лишь из-за открытого окна лоджии слабо доносились крики играющей на спортплощадке ребятни. Зоя включила приёмник, попыталась вслушаться – опять одна и та же стрекотня: *всенародно избранный... реформы... приватизация... демократия... успехи...* Зоя нажала клавиш первой программы: так, так – театр... Что это? Что-то знакомое... А-а-а, «Село Степанчиково и его обитатели» с Грибовым в главной роли. Прекрасно!

Зоя слушала, прихлёбывая чай, уже знакомую передачу и думала о том, как завтра или послезавтра Игорь вынырнет из своего водочно-пивного омута, проспится, возвратится в себя

и вновь займётся серьёзным делом. Хотя в глубине души Зоя не совсем верила, что дело, каким занимается трезвый Игорь, действительно серьёзное и перспективное.

Игорь писал книгу. Да не какой-нибудь там роман или повестушку – куда там! Ещё в студенческие годы, на журфаке МГУ, Игорь увлёкся изучением Достоевского. Он сначала написал курсовую работу по «Запискам из подполья», в которой доказывал: Подпольный человек сам по себе не такой уж плохой человек, не так уж он поган и плох, как его малюют «достоевсковеды». Ведь это сам же Подпольный человек очернил себя в своих «Записках», наговорил на себя лишнего. А на самом деле он умен, талантлив, горд, самоироничен, стыдлив, неравнодушен и – главный страдалец, главный мученик из всех героев повести... Зоя, которую муж научил читать и любить Достоевского, полностью была с Игорем согласна.

Дипломную работу он тоже писал по творчеству любимого писателя – «Герой-литератор в мире Достоевского». Зоя из рассказов мужа знала, что защита диплома у него чуть не провалилась. Не сошлись они с руководителем диплома, профессором Вайнштокманом, во взглядах на творчество великого русского писателя. Игорю поставили за диплом «хор» и то как бы в виде милости: мол, избежал он трояка лишь потому, что все пять лет учился почти только на отлично. Лопухий тогда ещё Игорь ничего не понял, не врубился, руки опустил и бросил литературоведничать. И вдруг его дипломную работу опубликовали в солидном сборнике, в Москве, большим тиражом.

Так что теперь, протрезвев, Игорь с жадностью бросался к письменному столу. Он подробно обрисовывал Зое содержание своей будущей книги «Достоевский: портрет через авторский текст». Её составят готовые студенческие работы о Подпольном человеке и героях-литераторах; третью часть под названием «Минус Достоевского» Игорь уже закончил и теперь работал над заключительной, самой большой и сложной монографией – «Самоубийство Достоевского». Он попытается доказать в ней, что гениальный больной писатель всю жизнь стремился к самоубийству, но преодолевал страшный притягательный соблазн, убивая и убивая себя лишь в творчестве, в бунте против Бога конкретных своих героев...

А что если вылить это проклятое пиво? Зоя уже вытащила банку из холодильника, но опрокинуть её над раковиной не решилась. Ей совершенно, ну совершенно было непонятно: как может умный, мыслящий человек пить эту мерзость? И вообще – пить, превращая себя в скотину... Зоя ещё и ещё пыталась себя настроить: всё, в каком бы виде он сегодня ни явился, быть сдержанной. Главное – завтра утром удержать его, не спровоцировать на ссору, не дать повод демонстративно обидеться, хлопнуть дверью и бежать в новый загул.

Передача закончилась. Зоя не утерпела, достала в комнате из письменного стола Игоря (к которому он строжайше запрещал прикасаться) папку с рукописью статьи «Минус Достоевского», прочитала в одном месте кусочек, в другом:

«Достоевский не любил евреев.

Он мог ненавидеть и презирать отдельных русских, но бесконечно любил русский народ; и, напротив, он уважал отдельных евреев, поддерживал с ними знакомство, но в целом еврейскую нацию считал погубительной для всех других народов и в первую очередь – для русского.

Вернее будет сказать, что Достоевский гневался не на евреев, а на – “жидов”. Он очень чётко разделял эти понятия и однажды, вынужденный к объяснению публично, печатано, подробно разъяснил позицию свою в данном вопросе...

...Итак, разрушительные, враждебные русскому народу и всему миру направления деятельности “жидов” Достоевский видит во всём: и истребление лесов, погубление почвы, и спавивание народа, и вредительская монополия в промышленности, финансах, на железной дороге, и подготовка разрушительной социальной революции... А как же литература? Ну, конечно же, и в этой области Достоевский чувствовал “сильный запах чеснока”. И не могло быть иначе у человека, живущего литературой, видящего в ней весь смысл своего существования.

Отрывочные пометки в записных тетрадях свидетельствуют, что проблема эта волновала Достоевского всерьёз, и здесь он видел “жидовские” козни: “Журнальная литература вся разбилась на кучки. Явилось много жидов-антрепренёров, у каждого жиды по одному литератору... И издают.” “Жиды, явится пресса, а не литература”. Но наиболее полно свои взгляды на данную проблему Достоевский изложил в одном поразительном по откровенности и тону письме.

В феврале 1878 года писатель получил послание от некоего Николая Елифановича Грищенко, учителя Козелецкого приходского училища Черниговской губернии, в котором тот, жалуясь на засилье “жидов” в родной губернии и возмущаясь, что пресса, журналистика держит сторону “жидов”, просит Достоевского “сказать несколько слов” по этому вопросу. И вот автор “Бесов” совершенно незнакомому человеку тут же в ответном письме распахивает всю свою душу, откровенничает донельзя:

“Вот вы жалуетесь на жидов в Черниговской губернии, а у нас здесь в литературе уже множество изданий, газет и журналов издаётся на жидовские деньги жидками (которых прибывает в литературу всё больше и больше), и только редакторы, нанятые жидками, подписывают газету или журнал русскими именами – вот и всё в них русского. Я думаю, что это только ещё начало, но что жиды захватят гораздо ещё больший круг действий в литературе; а уж до жизни, до явлений текущей действительности я не касаюсь: жид распространяется с ужасающей быстротой. А ведь жид и его кагал – это всё равно, что заговор против русских!”...»

Зоя вздрогнула, захлопнула папку, спрятала в стол – звонят?.. Но это трезвонили к соседям.

Потом она сидела в кресле, вязала, общаясь с «ящиком». Зоя успела посмотреть нескончаемую «Санту-Барбару», где *богатые тоже плачут*, затем однобокие «Новости», осилила и стандартный американский детектив, а мужа всё не было. Накануне он заявился во втором часу ночи, так чего ж сегодня пораньше бы не прийти? Зоя, конечно, догадывалась, да что там догадывалась – знала: гуляет её Игорёша, погуливает. Единственное, о чём молила Бога: только бы не с Ариной, только бы не знать, где и с кем. Она вздрогнула от обиды и гнева, вспомнив то злосчастное утро, когда, приболев, вернулась из деревни от матери раньше срока на день.

О, как она мечтала убить в тот момент, уничтожить и его и её! Особенно – её. Зоя кинулась на кухню, схватила блестящий округлый топорик для мяса, но Игорь успел зажать, придерживать кухонную дверь, и та сучка развратная изловчилась выскользнуть из квартиры, убежать полунагишом. Зоя потом, уже выплакав все слёзы, обессиленная, собрала с постели опоганенное бельё – наволочки, простыню, пододеяльник, – вынесла всё это, выбросила в мусорный контейнер на радость какой-нибудь нищей старухе. И не разговаривала с мужем целый месяц. А уйти, уйти совсем – сил не хватило. Зоя любила Игоря. И с каждым годом всё прощёнее, все безысходнее...

Около одиннадцати затренькал звонок. Ну, наконец-то! Зоя вздохнула-выдохнула, подтянула себя, вслух приказала: «Спокойствие! Внимание и ласка!» Она глянула в глазок – соседка из квартиры напротив, Нина. Зоя разочарованно скинула цепочку, открыла и сразу заметила – на Нине лица нет.

– Зоя, миленькая, родненькая, выручай, – зашептала та плачущим голосом. – Ой, выручи!

– Да что случилось, Нина? Что с тобой? Виктор бьёт?

Зоя отступила, впустила перепуганную соседку. Та вцепилась в её руку.

– Зочка, милая, двенадцать тысяч нужно. Только – двенадцать! Прямо сейчас, немедленно!

– Да что за спешка? Объясни наконец – растрата какая?

Нина скривилась, всхлипнула.

– Да какая растрата! Колька мой, оболтус, попал в историю. Деньги с него требуют – полста тыщ. У меня тридцать восемь-то есть. А они припёрлись щас – два верзилы, пацан да девка с ними, – пистолетом пугают: плати и всё!

– Ты с ума сошла, Нина! Давай срочно в милицию позвоним. Разве ж можно вот так запросто грабить?

– Да что ты, что ты! Какая, к чёрту, милиция! Они дали десять минут: ровно в одиннадцать уйдут с деньгами или без. А тогда, сказали, Кольке не жить. Да он и сам виноват. Зой, я щас расплачусь с ними и всё-всёшеньки тебе расскажу. Ой, уж без трёх минут! Дай, Христа ради!

Зоя и сама испугалась, руки ходуном заходили. Побежала к серванту, принялась в тайнике шуровать: да где ж деньги-то – пять тысяч только... Тыфу ты, она ж из сумочки ещё их не выложила. Зоя бегом опять в прихожую, распотрошила сумочку, отсчитала. Нина суетливо сгребла, кивнула, метнулась через коридор – по радио пикало ровно одиннадцать.

Припав к глазку, затаив дыхание, Зоя наблюдала, как через минуту из квартиры напротив один за другим вышли два парня в чёрных майках, лысый вертлявый парнишка и патлатая девица. Они, не торопясь, разговаривая и пересмеиваясь, подефилировали к лифту. Вдруг из незакрытых ещё дверей вырвался лохматый маленький Пузик и с гневным лаем бросился за налётчиками вслед. Через секунду раздался собачий визг и утробный хохот победителей. Бедная собачонка долетела, кувыркаясь, до самой двери родимой квартиры.

Нина пришла потерянная, раздавленная, убитая. Рухнула в кресло, запахла блёклый халат на полной груди, утёрла слезу.

– Вот так и помру! С моим ли сердцем такие спектакли! Ох, Зоя, дай чего-нибудь попить и валерьянки. Твоего-то нет?..

Да-а, история у соседей приключилась дурацкая и вместе с тем зловещая. Колька, сын, отмучив в этом году школу, избрал самую новомодную профессию – торгаша. Нанялся в ларёк к кооператору – жвачку, «сникерсы», зажигалки, сигареты и прочую дребедень продавать. И вот подсунулся к нему на днях шкет, колечко золотое суёт: загони, мол – всё равно ведь торгуешь. Продать посоветовал подешевле, тысяч за тридцать: двадцать пять «штук» (они тыщи-то «штуками» называют!) – хозяину, остальное – Кольке. И срок – до среды. А Колька-то, оболтус и дурак малохольный, вздумал на кольце разбогатеть – пятьдесят этих самых «штук» запрашивать начал. Ну и все сроки пропустил. Тот, лысый-то, припёрся в среду: гони, дескать, бабки. Нету. Давай срочно – свои, собственные. «Да откуда же? – отвечает Колька. – На, забери кольцо своё паршивое, если так». А тот ощерился: «Ну уж нет, кольцо теперь твоё, мне деньги нужны».

В конце концов Колька послал шкета лысого куда подальше, тот отвалил, матерясь и гавкая. И вот сегодня – звонок в дверь. Бабушка – ну совсем с ума спятила старая! – взяла, да и открыла, не спросясь. Колька уже спал в задней комнате. Нина, выскочив встреч непрошеным гостям, скумекала: забожилась, нет, мол, сына дома, с девчонкой где-то гуляет. Тут ещё Витька, муж Нины, похмельный, вылез из спальни: кто таковы да по какому поводу? Даже на пистолет спяну полез. Главный из этих, мордатый, в тёмных очках, так припечатал бедному Витьке, что тот вверх тормашками полетел и в стену влип. Сейчас рот раскрыть не может – челюсть распухла. Как же тут деньги-то не отдашь? Они пятьдесят тыщ потребовали, в два раза больше (это в наказание – объяснили). Нина, со слезами отдавая кровные тыщи, осмелилась всё же, спросила: мол, опять-то не придут? Вожак осклабился: «Не тушуйся, мамаш, не трясись как на электрическом стуле. Мы люди честные, справедливые: больше не появимся – спите спокойно». И – заржал, скотина...

Когда Нина ушла, Зоя глянула на часы: ого, уже первый час. Волноваться не хотелось, но как же стиснуть себя? Она раскрыла шторы, принялась возиться с цветами – кашпо всех видов и размеров густо теснились на широком подоконнике. Зоя сосредоточенно обрывала ослабев-

шие цветки и листики с герани, китайской розы, фиалки, японской гloxинии, рыхлила почву в горшочках, поливала слабым раствором чая. А мысли прыгали: точно, подлец, закрутил с кем-то!..

В истории их семьи случалось и не раз, что Игорь вовсе не ночевал дома. Впервые это случилось, когда он ещё работал журналистом. Он получил тогда неожиданную и по тем временам солидную премию – заявился домой уже слегка подшофе, с букетом бордовых роз, энергичный, бодрый. С порога объявил: никаких сегодня пошлых ужинов из картошки и чая – идём в ресторан. И вот тут сглупила, конечно, она, Зоя. То ли настроения не случилось, то ли подспиртованная энергия мужа вмиг раздражила – заартачилась. Игорь уговаривал с полчаса, умолял, даже на одно колено театрально опускался и руку к сердцу прикладывал, словно герой-любовник... Потом психанул, одарил «дурой», хлопнул дверью.

И – заявился домой в семь утра, помятый, уставший и ещё пьяный. Когда, спустя определённые сроки, состоялось примирение, Игорь поведал такую историю: сидел в «Центральном», подсели за его столик два офицера, майор и капитан. Ну, познакомились, напились (ух и пьёт это офицерё бездельное!), а потом те предложили в гости к ним поехать, догулять праздник. Ну, Игорь в разгаре-то и согласился. Офицеров машина дожидалась с сержантом-водителем, сели, рванули за двадцать верст от города в Новый Поселок, где часть капитано-майорская квартировала. Там ещё поддали крепенько и – отрубился, мол. А виновата во всём она, да-да, супружница глупая, – не надо было капризы выставлять, вечер премиальный портить.

В другой раз Игорь, также после домашней словесно-нервной драчки, блистал своим отсутствием всю ночь. Потом живописал, как заявился к старому приятелю в гости, а у того – новоселье. Пока вещи помогал перевозить, пока вспрыскивали это событие, пока очухался – ночь и пролетела...

И так – каждый раз новая история. Зоя старалась верить всем этим рассказам мужа (что-что, а рассказывать он умеет, этого у него не отнимешь), дабы самой спокойнее было жить. Что же на этот раз сочинит, интересно?

Зоя легла уже во втором, долго ворочалась, просыпалась среди ночи то и дело, прислушивалась к тишине. В семь часов не выдержала, поднялась, хотя намеревалась в первый отпускной день спать до обеда.

Уже допивая чай с вареньем, она вдруг вспомнила-догадалась: вон где может он быть! Разумеется, в этом треклятом «Кабане». Конечно, стыдно и позорно искать-шарить мужа-пьяницу по городу, но что же делать, если валидол уже не помогает, а сердце шалит и постукивает.

Минут через двадцать Зоя вышагивала по тротуару Набережной, где не бывала уже лет пять, с той последней их семейной кровавой прогулки. Перед пешеходным подвесным мостом прямо у воды открылось в прошлом году кафе «Кабан» – отрада всех алкашей округи. Работало сие питейное заведение и днём и ночью, круглосуточно – сказка для похмельного человека. Несмотря на раннее утро, столики под навесами по обе стороны павильончика почти все были заняты. Пустовала лишь «Комета» на подводных крыльях, пришвартованная к причалу кафе-бара – зал-люкс «Кабана». К павильончику вела вниз бесконечная бетонная лестница, напоминающая знаменитую одесскую.

Зоя, задержавшись наверху, принялась всматриваться в *кафейный* пейзаж. Внизу господствовало броуновское движение. Кто-то, покачиваясь, плёлся к буфету, кто-то уже, бережно неся пластмассовые красные стаканчики, спешил под навес. Рядом с «Кабаном», на небольшом городском пляже, к ближайшей кабине для переодевания сгрудились три-четыре клиента кафе-бара – туалетная очередишка. К дальней раздевалке поспешали одна за другой клиентки – встрепанные опухшие бабёшки, прогулявшие на берегу всю ночь. Один алкаш спрятался за угол павильона и, стараясь не шуметь, тихо блевал, но к нему уже спешил дюжий *кабанчик*, покрикивая на бегу. Другой шварценеггерный охранник, приподымая окосевшего мужичонку за шкуру, выталкивал его вверх по лестнице с территории «Кабана». Мужичонка в парок-

сизме хмельного куража упирался хилыми ногами, что-то мычал, а потом вдруг плаксиво завопил во весь голос:

– А-а-а, Россию спаиваете, жидовские морды!

Парень сразу осwirепел, вздёрнул алкаша в воздух, выбросил через последние ступеньки, поддал здоровенного пинка в довесок.

– Иди, гуляй! Тоже мне, славянин вонючий!

Горемычный клиент, маша руками, пролетел мимо Зои, расплюхался на газоне, завыл-заплакал, бессильно колотя кулаком по земле.

– С-с-суки!..

Как ни противно, но она решилась-таки спуститься – поискать получше. Под кустами по берегу виднелись спящие фигуры – может, и Игорь среди них. Но Игоря там не оказалось. Выбравшись обратно на Набережную, Зоя постояла в раздумье, пощекотала свои нервы: а не нагрянуть ли к Арине? Та жила совсем рядом, в двух шагах. Однако на этот отчаянный жест Зоя так и не осмелилась, побрела домой.

В подъезде, когда она входила, маячил молодой человек – высокий, со светлым чубом. Зоя не обратила бы на него ни малейшего внимания, если бы ей не показалось, что парень возюкался именно у их почтового ящика. Может, почудилось? На всякий случай она достала ключи, отперла ящик – конверт, заклеенный, но чистый, без надписи. Она тут же лихорадочно вскрыла. Листок. Строчки кривые, буквы в разбег, но Зоя сразу узнала почерк мужа:

«Зоя!

Дело серьёзное! Я не шучу, поверь. Меня похитили. Они требуют 500 000 (пятьсот тысяч) рублей. Зоя, они убьют меня! Это – правда!!! Деньги, в пакете, надо положить в наш почтовый ящик – сегодня, в субботу, до 18:00. Зоя, найди деньги! Если хочешь увидеть меня живым! Зоя, они мне отбили почки!!!

Игорь».

III

Вернулся Игорь полностью в своё брненное, полное боли тело, когда его выволакивали из машины. Где-то совсем рядом рычала собака. Жёсткие руки вытащили его, загремело железо, Игоря впихнули куда-то и сдёрнули с головы колпак. Игорь покачнулся, чуть не упал и, щурясь на расплывшийся нерезкий мир, вскрикнул:

– Очки? Где очки?

– И без очков хорош, пидор! – рявкнул толстомордый бугай, стоявший рядом, и замахнулся.

– Да хватит тебе, – перехватил его руку-кувалду высокий светлочубый парень, – ведь забьёшь человека.

– Человека? Пидор он, а не человек!

– Сам ты это слово, – спокойно осадил парень.

– Чего-о-о? – взревел мордovorот. – А ну ещё вякни!

– Э, нэ нада. Хватит, – раздалось от дверей.

Мгновенно ссора погасла. Блондин снял с крючка на стене холщовую сумку, в которой, видимо, и везли «качан» пленника, пошарил внутри, выудил очки, протянул Игорю. Слава Богу – целёхоньки! Игорь, не протирая, прилепил их на переносицу, огляделся. Страха – настоящего, обвального – ещё не было. Пока только пропал хмель. Так... Похоже на гараж, кирпичный, просторный, странно чистый и ухоженный: столик с клетчатой клеёночкой сбоку у стены,

стулья, шкафчик посудный. На столе – бутылка пузатая «Плиски», хрустальные рюмочки, бананы в вазе. Яркая лампа дневного неживого света высвечивает каждый уголок.

В мгновение Игорь прицельным взглядом журналиста впечатал в память своих новых знакомых. Только в милицейских радиообъявлениях о розыске преступников можно услышать маразматические описания вроде: среднего роста, волосы тёмные, на лице – два глаза и один нос... Нет уж, людей неприметных нет.

У мордоворота оказался внушительный живот, выпирающий из-под майки с жёлтым сигаретным верблюдом, курносый нос с вывернутыми ноздрями, прямые сальные волосы перетянуты сзади резинкой в женский хвост, в ухе – золотая серьга, на бугристых безволосых руках – грязь татуировок, на среднем пальце левой руки – массивный белый перстень и (вот, вот она – особая примета!) нет мизинца под корень.

У высокого парня, защитника Игоря, тоже обнаружилась особая примета: под пухлыми пунцовыми губами вдруг открывалась нелепая дырка вместо двух верхних зубов. И как же он лицом похож на Есенина – ещё, поди, стихи пишет.

От входа прошёл и уселся на стуле третий, в белом костюме: волосатый – в окладистой бороде, усах, густых бровях и пышной шапке кудрей. Всё это – пегое, смоль с сединой. Аурума с полкило на нём: перстень, кольцо, браслет, часы, цепочка, оправка тёмных очков да плюс ещё мундштук и зажигалка. Вид надменный, хозяйский, словно он у себя в горах на троне восседает. Как же, как же этих кавказцев в армии обзывали?.. Игорь служил уже лет двадцать тому – всё подзабылось. То ли «чурками», то ли «чурбанами»... Или «чучмеками»? Хотя нет, чучмеками вроде азиатов крестили... Или всё же кавказцев?

– Э, что у него там в карманах? – чурбан говорил медленно, тихо, нажимно – он явно командовал.

Толстяк ретиво кинулся (он вообще, несмотря на габариты, двигался на удивление суетливо), охлопал одежду Игоря, извлёк удостоверение, чехольчик с ключами, носовой платок. Залез двумя потными сосисками до дна в рубашечный карманчик, хотя и так видно – там ничего больше нет.

Бородач внимательно изучил малиновые корочки, положил рядом с «Зенитом» на стол. Молча налил себе рюмку коньяка, помедлил, плеснул в другую, ещё пораздумывал – и в третью. Игорь невольно сглотнул, в голове опять всколыхнулся сивушный ил. Боров, уловив взгляд-приглашение, подскочил к столу, уцепил хрустальный напёрсток. Блондин остался на месте.

– Э, вазьми.

Игорь наконец понял, что это – ему. Он не стал ломаться, приблизился, сел (и сразу понял, интуитивно, – сел преждевременно, но не вскакивать же теперь), взял коньяк и сразу, не медля ни секунды, опрокинул в рот. У-у-ух! Игорь уже и вкус почти забыл этого божественного нектара. Он взял со стола свой платок, интеллигентно промокнул губы и, уже чуть взбодрённый, с каким-то даже вызовом вопрошающе взглянул на хозяина стола.

– Э, на каво работаэш? – спросил тот и медленно, не отрывая взгляда из-под затемнённых стёкол от лица Игоря, выцедил свою порцию «Плиски».

– Как на кого? – удивился Игорь.

Резоннее ведь спросить – где? Впрочем, чурка он и есть чурка. Надо его всё же осадить.

– В данном случае, – Игорь кивнул на фотоаппарат, – я работал, как вы изволили выразиться, на начальника ГАИ. А вообще я – корреспондент «Городской газеты». Жур-на-лист – ясно?

Ожидалось, что теперь ситуация перевернётся – перед ним начнут извиняться и кланяться.

– Пидор он, а не журналист, – встрял бугай.

Чёрный остановил его жестом, не повернув головы.

– Э, чэй ты? Шаха? Камиссара? Валэта? Зачём нас фатаграфировал?

Игорь пожал плечами: что за абракадабра? И вообще, чёрт возьми, что происходит?!

– Э, мэнт, значит?

Игоря начала злить ситуация. Глоток коньяка помог ему напыжиться: он выпятил грудь, закинул ногу на ногу, усмехнулся.

– Как вас – господа? товарищи? мужики? Что вам от меня надо, а? Повторяю: я – журналист «Городской газеты». Я сейчас при исполнении, так сказать, на работе нахожусь. Готовил материал, понимаете, о нарушителях дорожного движения. Вы зачем через газон поехали, а? Нехорошо. Нехорошо, господа-товарищи! Ну ладно, я, так и быть, прощу – не буду упоминать о вас и снимок вашего *чудного* уникального «мерседеса» печатать. Разойдёмся мирно. – Игорь глянул на часы, время не уловил, но воскликнул: – Ого! Всё! И вообще, что за привычка вошла в моду: как что – сразу кулаки. Журналиста «Городской газеты» не надо бить, уважаемые. Ни в коем случае, особенно, знаете ли, по голове...

Игорь молот языком, а сердце его тоскливо поёживалось: взгляд чернобородого был страшен.

Вдруг – хряский удар в ухо. Игорь грохнулся вместе со стулом, ударился головой о бетон.

– Мать твою! Ещё угрожать будет, пидор!

Боров прыгнул к нему, ещё и врубил тяжёлым пинком под ложечку. Игорь, свернувшись улиткой, зевал и зевал, пытаясь отыскать дыхание. Только секунд через десять оно возвратилось. Но распрямляться Игорь не спешил – сволочь толстая нависла над ним.

Что же происходит? Кто это? Игорь сознанием, всеми нервами начал понимать – он влип. Его с кем-то спутали. Конечно! Что теперь делать? Как держать себя? Главное – не сломаться, не заюлить. И – приготовиться к боли. Судя по началу, бить его будут всерьёз. А к битью Игорь не привык. Его, если не считать детских милых потасовок, никогда всерьёз не били. Правда, однажды по голове саданули арматуриной крепко, пьяного, так за один разок разве ж привыкнешь... Что же *этим* надо?

– Э, вставай, прастудишься.

Хотя боль уже чуть-чуть утихла, стала терпимой, Игорь, драматично морщась, перевернулся на колени, распрямился, вскарабкался на стул, очки поправил. Импортные «хамелеоны» каким-то чудом пока выдерживали перегрузки.

Держась обеими руками за живот, Игорь сделал ещё одну попытку рассеять туман.

– Послушайте, – обращаясь к золотоносному горцу, как можно убедительнее, деловито начал он, – вы, милейшие, меня, видимо, с кем-то спутали, а? Я – Половишин Игорь Александрович. Я – журналист. Я на телевидении раньше работал, сейчас – в газете. Меня многие в городе знают. Вон же удостоверение, там фото. Да вы что, нашу «Городскую газету» совсем не читаете? Во вчерашнем номере статья-рецензия моя была – о новой книжке Анатолия Постневича. Это писатель наш местный; не слыхали разве? Для детишек пишет. Для среднего и старшего школьного возраста. У вас что, детей нет, что ли, среднего и старшего школьного возраста?..

Игорь снова начал сбиваться. Молчание и неподвижный взгляд горного князя давили, угнетали. От этого человека исходили какие-то волны, парализующие волю Игоря. Да что там влиять: этот волосатый немногословный человек вызывал тоскливый страх, потаённый ужас. Игорь уже шестым, седьмым, двадцатым ли чувством понимал: этот грузин, армянин или азербайджанец – чёрт их там отличит! – в любой миг может перекрыть ему, Игорю, кислород. Он властен почему-то над его, Игоревой, жизнью...

Вдруг с улицы донёсся лай собаки, какой-то шум, послышались голоса, затем – троекратный стук в гаражные ворота. Главарь кивнул, жирный подхватил без разговоров Игоря, вздёргнул со стула, подтолкнул. Светлочубый уже поднял узкий щит над смотровой ямой, сбегал вниз. Игорь, подгоняемый мощными тычками, чуть не полетел вниз головой, дробно пересчитал крутые ступени, увидел в боковой стенке уже открытую низкую дверцу, из которой

вырвался свет. Толчок меж лопаток, ещё дробь по лесенке ступенек в шесть, и Игорь очутился в новой обстановке.

Вместительная комната-бункер, стены и пол обшиты деревом. С потолка, между плитами перекрытия, свисает, опираясь на столбики-подпорки, ящик смотровой ямы. Возле стены – раскладушка с голым матрацем и тонким одеялом. Над ложем стена сплошным ковром улепелена рекламными порнушными плакатами. В углу громоздятся картонные разнокалиберные коробки. И всё.

Игорь сразу прошёл к коробкам, присмотрелся – некоторые распечатаны. Он открыл одну, вторую: баночки крабов, икры, шоколад... А это что? Что такое. Господи Боже мой?!

У Игоря желудок сладко вздрогнул, кадык дёрнулся – «Плиска»! Целых два ящика! Один уже початый. А это? Мамочка моя – «Чио-Чио-Сан»! Три с половиной коробки изумительного болгарского вермута! Со дня собственной свадьбы Игорь его не видывал и не вкушал... Впрочем, сначала – коньячку-с!

Он выхватил бутылочку-красавицу, нежно, но безжалостно свернул ей золочёную головку и, запрокинув тяжёлую голову, со сладострастием глотнул – раз, другой, третий. Еле принудил себя оторваться на середине пути. Огненный живительный поток помчался по всем жилам, жилочкам, венам, артериям, капиллярам, нервным волокнам и прочим внутренним путям-дороженькам во все уголки пострадавшего тела. Игорь, не выпуская драгоценный сосуд из рук, прихватил ещё пару шоколадок, отправился к раскладушке, уселся, пристроил угощение рядышком на полу и решил трезво всё обдумать. Пока голова как раз хорошенько прочистилась. Вскоре, когда все полкило «Плиски» всосутся в организм, думать и соображать станет лень.

Так, сколько сейчас? Ага – начало второго. Это что же получается? Выходит, менее часа прошло, как завертелась эта нелепая карусель. Значит, он находится где-то в городе...

Что-то мешало сосредоточиться, отвлекало. Ах, чёрт! Это поганое пиво давит-толкается, спешит освободить место благородным напиткам. Тэк-с, тэк-с... А где? Куда? Крикнуть, что ли? Хотя, впрочем, шуметь не стоит. Во-первых, коньячок сразу отберут – можно не сомневаться. А во-вторых, сверху доносился всё возрастающий разговорный шум. Слов не разобрать, но что-то там назревало. Ну их, бандитов!..

Во, точно – бандиты! Вот оно словцо, наконец выскочило. Мафия, мать иху! Заполонили весь город, всю Россию-матушку! Пидоры!.. Во, привязалось словечко! Хотя, правильно: жирного можно Пидором называть, парнишку – Поэтом, наверняка ведь стишки пишет. А этого, главного – Чурбан, и точка. Хотя, стоп, может, он – болгарин? Чего это «Плиска» да «Чио-Чио-Сан» кругом?

Мысли уже завихрились. Что-то надо сделать срочное... А! Игорь хлебнул ещё добрый глоток «Плисочки», выкарабкался из раскладушки, обошёл камеру по периметру, заглянул под столбики-подпорки. Этой – как её? – параша нигде не видать. А поджигает уже – ну! Тэк-с, тэк-с... Говорят, голь на выдумки хитра. Игорь покопался в коробках, узрел знакомую этикетку на жестяных банках – растворимый кофе в гранулах. Вспорол упаковку, выудил одну банку, вскрыл. Затем, вынув ещё несколько банок, рассыпал по дну коробки заморский крупнозернистый порошок... Через пару минут всё уже было сделано и – шито-крыто. Вот как *ынтылхенция* поступает, когда её прижмут и прижмёт!

Пока Игорь сосредоточенно и увлечённо отдавал дань природе, шум наверху усилился. И вдруг – истошный вскрик. Игорь на полпути к раскладушке замер, вслушался. Что-то зло заорал жирный – своё «пидор!», наверное. Что-то грохнуло, и опять – вскрик-стон. Так жалобно и бесстыдно кричат слабые духом люди от невыносимой физической боли. Мамочка моя! Что это там происходит? Кого убивают, что ли? Спина покрылась испариной. Текло обильно и по лицу. То ли в бункере жарко, то ли страшно аж жуть. Он вытер лицо отвоёванным платком, кинулся к спасительной бутылке, хлебнул. Оставалось уже на доньшке. Новый стон-

вскрик сверху. Игорь вздрогнул. А может, это они комедь ломают – испытывают его, запугивают?

И как же бы, в самом деле, испугаться наконец всерьёз? Уже понятно: его приняли или за своего, но из другой *партии*, или за мента. Он – ни тот и ни другой: чего ж бояться-то? Чёрт возьми, и надо же было с этим дурацким «Зенитом» вылезти! Правдоискатель хренов!.. А чёрт с вами со всеми – жрать хочется!

По традиции, обильно опохмелившись, Игорь ощутил обвал зверского голода. Он с треском расчехлил толстую импортную шоколадку – французская вроде, «Принцедор», – вонзил в неё зубы. И тут сквозь перекрытия ввинтился женский крик-визг, но не жертвы – палача: угрожающий, злобный, безжалостный. И вслед – мужской крик боли. Ого, это что-то новенькое... А ну их!

Привычный туман уже плотно укутывал мозги. Чувства притуплялись-тупились всё больше. Игорь дожевывал шоколадину, выцедил остатний коньяк, пустую стеклотару запихал поглубже под раскладушку, скинул туфли, пристроил очки в изголовье, подвесил на пружинку, и с облегчением растянулся во весь рост. Раскладушечка-душечка – дело привычное. Он, по покойнически скрестив руки на груди, сразу отключился, в момент отправился на экскурсию в царство покоя, мира и тишины. Последняя мысль мерцнула – как бы брюки не помять – и канула в тьму. Какие, к бесу, брюки – живому бы остаться...

Дальнейшее Игорь воспринимал смутно и обрывочно. Его трясли, тормозили. Кто-то над ним орал и матерился. Его били. Да, били. Ох, как били! И он плакал – от бессилия, унижения, боли. Да, он плакал, он выл и матерился в ответ, ненавидя, не боясь своих истязателей. Сволочи вы! Пидоры! Суки вонючие! Гниды поганые! Дегенераты яйцеголовые! Дебилы протухлые! Инфузории туфельки! Олигофрены! Вы кого бьёте?! Вы на кого руку подняли?! Вам, черномазым, вам, педерастам хвостатым, только дворниками работать! Вам землекопами, грузчиками пахать! Золотарями! А вы – хозяева жизни? Вы меня презираете? Ах, болваны! Ах, тупицы! Вот кретины! Идиоты слюнявые! Недоумки паршивые! Дубьё стоеросовое! Они меня бить вздумали – по голове! Ах, гады!..

Вернулся Игорь в этот мир окончательно от лёгкого стука двери. Состояние – словно трактор по нему проехал. Болело в груди, в животе, голова расщеплялась на атомы. К бокам у поясницы словно кто раскалённые утюги приложил. Игорь, не шевелясь, сквозь прищур глянул – по лесенке спускался Поэт. Он приблизился, осторожно наклонился над Игорем. Тот приоткрыл глаза, глянул в самую душу парню, тихо спросил:

– Зачем вы меня бьёте? За что?

Тот выпрямился, неловко усмехнулся-скривился, обнажая дырку во рту.

– Это не я... Простите.

Игорь удивлённо посмотрел на него, охнув, сел, опустил ноги, нашарил свои мокасины, надел очки.

– Знаю, не ты. Но ты с ними. Что им от меня надо?

– Вас отпустить уж хотели, да Лора... Вас наверху ждут.

Игорь глянул на часы – десять.

– Сейчас утро или вечер?

– Вечер.

«Зоя Михайловна, поди, думает – веселюсь сейчас, пьянствую», – мелькнуло в голове. Он, кривясь и морщась, встал, пригладил волосы, ощупал мимоходом лицо – вроде бы чистое, без фингалов. Стараясь не очень расплёскивать боль внутри, поплёлся к лесенке. Из-за открытой дверцы доносился ненавистный сиплый голос Пидора.

Тот, сразу бросалось в глаза, хорошенько поддал и продолжал распоряжаться, как собака костью, ополовиненной бутылкой коньяка, прихлёбывая прям из горлышка. Бородач же, по-прежнему весь в белом и по-прежнему за ширмою очков, строгий, трезвый и подтянутый, упо-

треблял глоточками светлый вермут из узкого фужера, в котором звякали кубики льда. Видно, на ночь крепкое не употребляет. На столе стоял широкий термос, та же ваза с бананами, блюдо с арахисом.

– Вот он, пидор, алкаш! – сразу подал голос жирный. – Тебе, фраер, кто коньяк разрешил трогать?

Игорь, стараясь не смотреть на борова и пытаясь держать себя поглубже, понежнее, сказал главному:

– Мне отлить надо. Уже не могу.

Горец чуть кивнул поэту. Тот молча снял со стены сумку-мешок, накинул на голову пленника, перехватил-перетянул на шее, Игорь, споткнувшись о порог, вышел вслед за ним на улицу. И чуть не захлебнулся свежим кислородом. Даже через холст мощные волны ароматов липы, каких-то цветов, трав вливались в лёгкие, бодрили, пьянили мягким хмелем. Игорь дышал и не мог надышаться этой благодатью. Конвоир легонько потянул его, повёл, прикрикнув на подавшего голос пса:

– На место, Пират!

Под ногами пружинил ковёр живой муравы.

– Мы в городе? – спросил Игорь.

– Да.

А с закрытыми глазами можно подумать – в селе. За это особенно и любил Игорь свой город – маленький, уютный, весь в садах, скверах, аллеях, огородах, с бесконечными патриархальными улочками деревянных усадеб, с живой улыбчивой речушкой, в которой ещё плещется-резвится рыба. Бывало, трезвым или чуть лишь под хмельком выходя на Набережную, Игорь каждый раз как бы заново и впервые поражался: какая ж красотища этот мир! В каком же дивном благодатном месте довелось ему, Игорю, обитать! Эх, пожить бы ещё да – трезвым...

Опять зарычала псина. Парень топнул ногой, успокоил. Сказал Игорю:

– Здесь.

Игорь только лишь приступил к процедуре, как вдруг словно током его продёрнуло. Боль столь резкая, что он в шоке присел, скрючился. Провожатый его поддержал. Игорь даже думать до конца боялся – что это, что с ним такое сотворили эти твари? Мамочка моя, чем всё это кончится?!

Вернулись. Освободив голову, Игорь неуверенно взялся за спинку стула, не услышав окрика, уселся шагах в трёх от стола. Ничего не хотелось. Лечь бы да полежать.

– Э, хазайничаешь там, внизу – плоха. Нэ нада.

– Он, пидор, ещё к чему прикоснётся там – мозги вышибу, – протявквал жирный пёс.

– Э, я сам угащу, кагда нада. Вот, вазьми.

Чурбан чуть повернулся в сторону мордоворота. Тот скривился, поджал, уродина, губы, раздражённо плеснул коньяку в свободную рюмку, четырёхпалой лапой двинул её на край столика.

– Хлебай, фраер.

Игорь через не могу выпрямился, холодно взглянул на шестёрку.

– Я перед сном, в отличие от некоторых, крепкие напитки не употребляю.

Горец усмехнулся в усы, повернулся чуть, приоткрыл шкафчик, достал фужер, наполнил вином, так же вальяжно открыл термос, опустил в вермут пару прозрачных кубиков, барственно кивнул Игорю:

– Э, бэри. Эта – харошаэ, тихаэ вино.

Игорь хотел и здесь кочевряжнаться, но, странное дело, не вытанцовывалось. Этот черномазый явно подавлял его волю. Ну совершенно невозможно смотреть на него сверху вниз. Игорь привстал, взял фужер, сел, отхлебнул. Чёрт с ней, с гордостью, может, хоть легче станет – в голове побулькивала похмельная смесь.

– Э, слушай. Мы пасматрэли плёнку – ты сэбя любишь.

Только теперь Игорь заметил: за термосом лежит его «Зенит». Он вспомнил, что на день рождения исщёлкал кадров двадцать на автопортрет.

– Э, мы навэли справки. Тэбя с тэлэвидэня выгнали за пьянку В газэтэ ты – мэлкая сошка, всэго лишь каррэктар. Зачэм абманывал? Зачэм фатаграфировал?

Игорь вдруг сконфузился, заоправдывался:

– Но я же всё равно журналист – из союза-то меня не исключили. Я же публикуюсь и – часто. Вон во вчерашнем номере статья-рецензия... Впрочем, я уж говорил. И вообще меня не за пьянку – это только повод был... А фотографировал... Я не вас конкретно. Хотел припугнуть только... Там весь газон испортили, тротуар заляпали. Там же проезда нет, вы же знаете...

– Э, ладна. Мы паняли: ты случайна папался нам. Нэ павэзло. Хатэл тэбя атпускать, да Лора просит. Как эта? С паршивой авцы хоть шэрсти клок. Выкуп будэм за тэбя брать.

– Что? – Игорь даже усмехнулся через боль. Комедь да и только. – Я что же вам – невеста? Или – сын миллионера?

– Э, нэ нада шутить. Сколька сможэш, столька заплатишь.

– Да вы что! – всё ещё не врубался Игорь. – У меня зарплата шестнадцать тысяч. На книжке – сто рублей. Вы что, шутите?

– Баба твоя заплатит, козёл, – не утерпел, встрял толстый.

– Вэрна, – поддержал шакала хозяин. – Эсли лубит – найдёт мыльон.

– Да вы что, в конце концов, смеётесь надо мной? Да, во-первых, она и тыщу за меня не даст, а во-вторых, – откуда у неё деньги? Сама – интеллигентка нищая.

– Э, ладна, – прихлопнул по клеёнке бородач. – Нэнада таргаваться. Нэ на рынкэ. Пиши письмо.

– А если не буду писать? – ещё дёрнулся было Игорь.

– Бить будэм.

Мордоворот, ослабившись, начал приподымать жирный зад, опираясь на кулаки-молоты. Да чёрт с вами – хоть на время в покое оставите. И всё же, уже склонившись с авто-ручкой к листку, Игорь помотал головой:

– Ну бесполезно же! Ну нет у нас таких денег...

– Э, ладна. Эсли ты мыльон за дэньги считаэш – пыши палавину. Авца.

Игорь скрипнул зубами.

– А как писать-то?

– Пиши: эсли дэнэг нэ палучим – тэбя убьём.

По спине Игоря пробежала мерзкая змейка, фраза прозвучала спокойно, убедительно, веско. Он уже заканчивал дикое своё послание, когда боров подсунулся:

– Про почки-то вставь, пидор. Зараз испугается.

– Что про почки? – вскинулся Игорь.

И вдруг с новой силой ощутил опоясывающую бритвенную боль в пояснице. Он долгим остановившимся взглядом посмотрел на сального подонка. Тот самодовольно ухмыльнулся, обнажив жёлтые клыки, хлебнул допинга.

– Работа чистая. Фирма гарантирует, бля!

Игорь сглотнул ком, прикрыл повлажневшие глаза, судорожно вздохнул, выдавил:

– Сам ты пидор и... петух позорный, – убийственное словцо вспомнилось внезапно, вдруг, из какой-то киношки про зону.

Кабан хрюкнул, взвился. Игорь успел вскочить, перехватить железный стул, выставить ножки-рогатины и сделать выпад. Пластмассовый набалдашник ножки вцепился борову в нижнюю челюсть. Тот охнул и отпрянул.

– Э, хватит. О дэлэ гаварим. Нэ можэш трэзвых бить, нэ вскакивай.

– Я? Я не могу? – с горестным изумлением просипел бугай, держась за челюсть. – И-и-эх! Да я ему, если бабок не будет, нос по харе размажу и яйца отшибу, пидору!

Когда закончили с письмом, горец спросил:

– Э, кушат будэш?

– Нет, – отрезал Игорь, подавляя тошноту.

– Канэшна. Нэ нада многа пыть. Врэдна.

Игорь поймал себя на том, что смотрит неотрывно на цветастую бутылку «Чио-Чио-Сан», дёрнулся, отвёл взгляд.

– Я спать хочу.

– Иды. Врэма ест.

Хвостатый педик сверкнул глазками, погрозил кулачищем.

– Гляди, фраер, только тронь чё-нибудь!

Игорь вернулся в подполье уже как в родной угол. Поэт запер за ним дверь. Он присел на раскладушку Поёжился. Вытащил из-под себя одеяло, присмотрелся – вроде чистое, приличное. Укутался и начал согреваться.

Спустя минут пять наверху загремели ворота, в гараж въехала машина, ещё раз гроыхнуло железо и всё стихло. Игорь скинул одеяло, прошёл, открыл верхний ящик с вермутом – там блестели головками ещё пять бутылок. Он аккуратно свинтил пробку, нижнее оторвавшееся колечко сразу отодрал и спрятал. Вернулся к лежанке, укутался и начал пить-прихлёбывать терпкий ароматный напиток, вливая в организм бодрость, тепло и воспоминания.

Примерно через час, когда литровая бутылка опустела, Игорю было уже хорошо и терпимо. Он отыскал среди коричневых железных банок с кофе *свою*, перелил из неё содержимое в винную бутылку – натуральный цвет марочного вермута. Только маловато. Ничего, сейчас свеженького добавим. Игорь начал доливать, приглушив вспыхнувшую опять боль, и вдруг, всмотревшись, чуть не выронил от ужаса бутылку – из его организма вытекала в отходы кровь.

Он трясущимися руками навинтил пробку, всунул ставший розовым белый «вермут» в коробку, прилёг на раскладушку. Вспомнилось лицо одного солдата в армии, которому при Игоре отбивали почки – его потом комиссовали...

Мешал свет. Игорь с трудом встал, вскарабкался на четвереньках по лестнице, вывернул лампочку – обожжённые пальцы чуть отвлекли на себя боль. На ощупь вернувшись, Игорь как был, в брюках и рубашке, завернулся в одеяло с головой. Полежал, скорчившись, в тёмном одиночестве тихо минуту, другую, третью...

И – заплакал.

IV

Зоя, прочитав дурацкую записку, плюнула с облегчением и со злостью: кретин пьяный! Его стиль.

Муж любил выверты, фантазия его границ не знала. Он порой такое выкамаривал – убить мало. Ещё в студенчестве – Зоя знала по его рассказам – Игорь как-то накануне перед экзаменом по ненавистному немецкому пришёл к немке и, как бы давясь слезами, пролепетал: мол, врач подозревает у него рак почки и сегодня надо срочно лечь на обследование. Сердобольная немка сама прослезилась и нарисовала несчастному молодому человеку в зачётке «хор». Она хотела даже «отл», но Игорь воспротивился, заскромничал. При встрече осенью Эльвира Эрнстовна испытала безумный приступ радости, узнав, что-де диагноз жуткий не подтвердился.

В другой раз в аналогичной ситуации Игорь подкатил к преподавательнице политэкономии Кате, молодой сублильной дамочке с наивными голубыми очами. Для надёжности аферы он из бланка старой телеграммы и свежееотпечатанного на машинке текста состряпал горест-

ное послание: *«Срочно приезжай умерла сестра Соня. Заверено. Врач Иванов»*. Сестёр у него отродясь не водилось, но откуда было знать это добросердой Катеньке?

А с ней, с самой Зоей, какие фортели выкидывал Игорь? Ездили раз, ещё в медовый период семейной жизни, в Болгарию на Золотые Пески. Вскоре после возвращения – письмо из Болгарии, Зое. Странно. Она на всякий случай скрыла его от мужа, потом распечатала: *«Зоенька! Ты мне теперь с니шься! Я целую тебя всю-всю! Особенно родинку на левой груди, ту, возле самого твоего божественного сосочка!..»* И прочее в том же духе. У Зои, как ныне принято говорить, крыша поехала. А тут Игорь нашёл письмо, взвился: мол, кто? когда? откуда про интимную родинку знает?! Брызгал слюной, вращал глазами, кулаки сжимал. Зоя уж все-рьёз оправдываться принялась. Да Игорь, клоун, не выдержал, прыснул. Оказывается, упротил одного нового знакомого там, в Варне, они в баре за коньячком и сочинили этот бред.

А ещё как-то Игорь, умотав на пару дней в Москву, не вернулся в назначенное утро. Часов в шесть вечера позвонил: так и так, билет вчера не достал, выезжаю только сегодня. Измученная неизвестностью, Зоя только вздохнула, успоаиваясь, только загрустила, что придётся опять одной в пустой квартире сумерничать, как вдруг звонок в дверь. Открывает – Игорь, пьяненький и довольный, с объятиями и поцелуями. Прямо с поезда, негодяй эдакий, сразу опохмеляться побежал, по новой гульнул всласть и, пожалуйста, спектакль сюрпризного возвращения разыграл. Где ж тут сердиться всерьёз...

Вот и теперь – накарябал это киношное письмо, сам где-то набирается-лечится, а потом заявится довольный, похотывать будет, сочинять истории, где ночь провёл. Тьфу, алкаш позорный!

Дома Зоя с головой окунулась в бабью круговерть, стараясь не думать о благоверном. Отключила на разморозку холодильник, залила в кастрюле кусок заледенелой печёнки – небось голодный припрётся. Потом замочила бельё на стирку, пропылесосила комнату, вынесла мусорное ведро. Затем тушила картошку и печень с луком, глотая слюнки. Мыла «Полюс», наводила марафет на лоджии. Обедала – салат да чаёк. Взялась стирать...

Когда разогнулась и остановилась – часы показывали почти шесть. На сердце покорябывало. Что-то опохмельный праздник уж больно затянулся. Он что ж, вообще решил домой не заявляться? Зоя плюхнулась в кресло, усталилась в одну точку. Вскоре точка эта начала раздражать, отвлекать от мыслей. Зоя сосредоточилась – телефон. Она уже знала, что позвонит, но ещё минут пять не двигалась с места. Потом тяжело поднялась, подошла к стеллажам – сбоку от них на полочке сиреневый аппарат – сняла трубку, вслушалась в ровный равнодушный гул телефонного мира. Сейчас её стрелы-звонки полетят в этом бесконечном параллельном пространстве и, достигнув цели, закончат ненужный мучительный разговор. Надо ли?

Но палец уже утапливал один за другим чёрные квадратики с белыми цифрами: 2-2-8-3-5-7. Трубку схватили мгновенно. Знакомый ненавистный голос – удивлённо-наивный и ждущий:

– Да-а? Я слушаю.

Зоя молчала, преодолевая себя, с трудом, с хрипотцой пробормотала:

– Арина, это я – Зоя.

– Здравствуй, – в голосе бывшей подруги удивление, лёгкая тревога. – Не ожидала.

– Арина... Игорь у тебя? – Зоя сердцем почувствовала, как смешалась Арина. – Впрочем, даже если он и у тебя, ты не скажешь.

– Вот новости, – Арина, видимо, сосредоточивалась. – Никакого Игоря у меня нет. С чего ты взяла?

– Да перестань, Арина! Что я совсем уж дурочка, не знаю, что у вас с ним... всё продолжается.

– Не надо на меня кричать, – перешла на резкий тон Арина. – И вообще, знаешь что, ты со своим мужиком сама разбирайся. У меня и со своим забот хватает

– Арина, – уже совсем лишне спросила Зоя, – а он, твой-то, дома?
– Нет, мой не дома. Но это ничего не значит
И Арина бросила трубку.

* * *

Арину и Зою судьба свела в двухместной комнатке общаги пединститута августовским днём пятнадцать лет назад.

Приехали они в областную столицу из разных концов губернии, разница в возрасте имела в пятилетку, однако сошлись-подружились сразу, начали жить-поживать душа в душу. Зоя успела в своём колхозе после школы и учётчицей поработать, и библиотекаршей, и воспитательницей в детском садике, умела шить, готовить, убирать. Зато семнадцатилетняя Арина, возросшая в райцентровском городке, понимала кой-чего в моде, в современной музыке, играла на пианино, умела делать ловкий макияж, да и вообще была внешне поэффектнее Зои, посовременнее, что ли. В родные бабушки по материнской линии Бог послал Арине польку, и эта толика польской крови, перелившаяся внучке, придавала ей своеобразный шарм. Особенно глаза у Арины светились колдовским каким-то светом, притягивали, манили. Мужчин, конечно. Ведь речь о том, что жили вместе две подруги – одна постарше, другая поюнее, – но обе в таком возрасте, когда слово «любовь» воспринимается без иронической улыбки. Однако ж до четвёртого курса ничего серьёзного в личной жизни двух будущих немок не случилось – так, танцульки, лёгкие вечеринки, культпоходы с однокурсниками в кино и театр, мимолётные поцелуи, которые особо не тревожат сердца.

И вот в один чудесный сентябрьский вечер раздался деловитый стук в дверь их комнаты, вошёл староста этажа, за ним усатый неулыбчивый гусар с кудрями почти до плеч, а следом ещё один визитёр с лупоглазой телекамерой на плече. Областное телевидение снимает, оказывается, передачу о безоблачной жизни советских студентов, и вот необходимо снять-показать образцовую комнату в общежитии и её прелестных умниц хозяек.

Что ж, теледесант попал по адресу. Учились Арина с Зоей действительно на «фюнф», обе получали повышенную стипендию. И комната у них сверкала чистотой, светилась уютом. Правда, в основном благодаря Зое и вопреки привычкам Арины, но такие тонкости телезрителей разве интересуют? Съёмки прошли успешно.

Это оказались финальные кадры в телепоэме, и гостеприимные хозяйки предложили телегостям откусать чаю-сахару. Оператор отнекался и раскланялся, а тележурналист Игорь Половишин охотно согласился. Дело в том, как он потом признался девчонкам, что у него подтянутый холостяцкий живот наигрывал «Голодный марш», а в комнате колыхался с ума сводящий аромат борща и котлет. Но Игорь, конечно же, как всегда ёрничал: не только украинский борщ и пожарские котлеты примагнитили его к этой маленькой комнатке с тюлевыми занавесочками и узорчатой скатеркой на столе.

Это было первое серьёзное задание молодого выпускника МГУ. Он приехал по распределению из столицы в незнакомый город, сунули его на прожить в комнату рабочей общаги с тремя вечно осовелыми шумливыми соседями. На телестудии не с кем слово молвить – сплошь мэтры и мэтрессы. После шумной карусельной студенческой жизни – тоска, хоть запей. А пил Игорь тогда ещё равнодушно, не взяхлёб. Так что в комнате девушек-героинь своего первого телеочерка Игорь сразу словно погрузился в нирвану.

Девчонки, в свою очередь, восторженно качнулись навстречу новому знакомству, новой дружбе. Они обкормили Игоря борщом со сметаной, впихнули в него две котлеты с картошкой и помидором, следом набулькали ему и большую чашку чая с клубничным вареньем. Потом гость, отдуваясь как жаба, ещё и сгрыз приличное – с кулак – яблоко, набирая впрок калорий и витаминов.

Быстренько выяснилось: неулыбчивость Игоря – напускная. Он придумал зачем-то, что в двадцать восемь лет обладатель диплома Московского университета, престижной профессии и гусарских усов должен держать себя сурово, надменно, с чувством преувеличенного собственного достоинства. Девчонки даже робели поначалу, приглашая *товарища журналиста* откупать чем Бог послал. Однако ж уже через полчаса Игорь сковырнул с себя маску, опростился, стал самим собой – остроумным, улыбочивым, любезным и влюбчивым.

С того дня он заделался таким частым гостем в общежитии пединститута, что вахтёрши стали считать его за своего, тем более – сей галантный молодой человек каждой из старушек то и дело поручал передать внукам шоколадку или кулёк конфет. Довольно длительное время у них была как бы шведская, вернее, мусульманская семья, но без примеси секса. Они втроём ходили в кинотеатры, в филармонию, на лыжные вылазки. Но чаще проводили вечера в своей комнате – слушали пластинки, читали вслух, смотрели и обсуждали Игоревы передачи (напрокат специально взяли «Юность»), много болтали и спорили, распивали чай. Эх, так бы всю жизнь!

Но уже в середине зимы Зоя стала не то чтобы замечать, а как-то чувствовать-ощущать – их треугольник деформируется: те два угла, Игорь и Арина, сближаются, одновременно удаляясь от неё. Несколько раз, вернувшись из кухни, где она обыкновенно стряпала их общий ужин, Зоя заставала Игоря с Ариной в странной близости, покрасневшими, с хмельными взглядами. После ухода Игоря теперь почему-то прекратились доверительные разговоры о нём между подругами, Арина бежала этих разговоров-обсуждений. Прежде чудные вечера в комнате втроём теперь стали вдруг наполняться тягостной какой-то атмосферой: словно бы Игорь с Ариной поглядывали с досадой на Зою, принуждали себя терпеть её присутствие. Она старалась уверить себя, что всё это ей кажется, ругала себя за чрезмерную мнительность.

Но однажды всё разрешилось. Вернувшись из дома после каникул раньше времени и довольно рано утром – повезло с попуткой, – Зоя долго стучала в дверь родной комнаты, недоумевая, как можно так мертвецки спать. Подруга открыла, в халатике, растрёпанная, смущённо отступила. Зоя вошла, ворча, сбросила тяжёлые сидоры и вдруг увидела Игоря. Он очков тогда ещё не носил, глаза спрятать не за что – сидел, полуодетый, на стуле, уводил взгляд в сторону.

Зоя, оказывается, внутренне уже давно готовилась к этому сюрпризу. Быстренько скрутила себя, заставила обрадоваться.

– Вот так новости, ребята! Чего ж скрывались? Я ль вам не друг и не подруга? А ну – сумки потрошить, отметим событие.

Воспрянувший Игорь умылся, причесался и галопом поскакал в свою общагу за хранящимся в записке коньяком. У девчонок отыскалась в запасах бутылочка шампанского. Нажарили-напарили закусок – стол удался. Зоя в шутку и от души кричала «горько!», *молодожёны* целовались не в шутку, а всерьёз. И, в свою очередь, лезли с поцелуями к Зое – хорошей подруге и *отличному парню*. А потом Зоя отправилась в гости на другой этаж, предупредив молодых, что через два часа вернётся. Те от восторга чуть не визжали. А у Зои и в самом деле легко было на сердце: конечно – какая ж она пара Игорю? Уже тогда она была пампушкой (ух как пожевать любила с детства!), Достоевского толком не знала и в вопросах секса понимала в духе своего пуританского деревенского воспитания.

К тому ж дружба их как бы заново вдохновилась, разгорелась вновь. Теперь всё определилось, недомолвки исчезли, натянутость пропала. Они по-прежнему проводили вечера втроём, только время от времени Зое приходилось, почувствовав момент, уходить в гости, в библиотеку или в кино, освобождая на время жилплощадь. А потом и вовсе стало получаться порой так, что Игорь оставался у них ночевать. Зоя быстренько делала вид, что уже заснула и, отвернувшись к стенке, с колотящимся сердцем старалась не слышать, как напротив, через стол,

Игорь с Ариной шушукаются, возюкаются, поскрипывают пружинами, приглушённо дышат и сладострастно пристанывают.

Опять вроде бы всё устоялось, потекло размеренно и в какой-то мере однообразно, но ведь не может так продолжаться вечно? Зоя как-то не выдержала, спросила, оставшись наедине с Ариной: когда, мол, решили свадьбу-то настоящую играть?

– Не надо спешить, – отмахнулась было Арина, но Зоя не отстала.

Она считала себя вправе интересоваться по статусу старшей подруги. Тогда Арина и раскрыла карты.

– Не надо бы об этом... Но ты знаешь, сколько наш Игорёша получает? Сто сорок рублей. Плюс премиальные к красным дням по двадцатке.

– Ну и что? А сама ты сколько в сельской школе зарабатывать будешь?

– То-то и оно. А ты знаешь, подруга, когда ему квартиру обещают? К 2000-му году. Лично Леонид Ильич обещал – как и каждому советскому человеку.

– Ты что-то не о том, Арина, – неуверенно возразила Зоя. – У вас же любовь!

– Не надо, не надо! Да, у нас любовь. Она, как известно, приходит и уходит, а жизнь продолжается до самой смерти. И прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно... Аксиома.

Игорь же держал себя жених женихом. Он и при ней, при Зое, то и дело заводил разговоры-мечтания о будущей семейной жизни с Ариной. У Зои сердце разрывалось на него глядя, и вместе с тем – вот странности, – она предчувствовала, что в душе обрадуется, если у них произойдёт разрыв-развод. Зоя ругала себя, порицала за такие низменные мысли.

Нагрянуло лето. Отшумела сессия. Подруги разъехались по пенатам. А когда осенью съехались, всё уже определилось. Игорь, против ожидания, не заявился на встречины, а подруженька Арина поведала ошеломлённой Зое о своей скорой свадьбе, но не с Игорем, отнюдь нет. Оказывается, он приезжал к Арине домой как бы официально свататься, но вместо сватовства напоролся на решительное и окончательное объяснение. Арина заявила, что всё случившееся между ними лишь милые шуточки-шалости, у неё роман с другим человеком и дело к свадьбе. Как вёл-держал себя Игорь в той уничижительной для любого мужика ситуации, Арина не расписывала. Лишь призналась, что ей стало до невозможности жаль его, и она устроила прощальную ночь – наобнимала, исцеловала напоследок отставного возлюбленного.

– Э-эх, не надо мне злата-серебра, – полушутя-полусерьёзно вздохнула Арина, – если бы он хотя бы квартиру имел!

А вышла замуж Арина за кругленького, с преждевременными залысинами делового парня, представительную внешность которого дополнял внушительных размеров портфель-дипломат. Сей товарищ отдавал все свои силы и время на комсомольской ниве, служил в обкоме ВЛКСМ. Папаша его и вовсе был секретарём горкома партии. Свадьбу пировали в загородном отеле «Турист», стол был накрыт на сто пятьдесят кувертов, в подарок от родителей жениха молодые получили ключи на розовом бантике от двухкомнатной квартиры на Набережной с полным набором мебели.

Зоя играла роль свидетельницы со стороны невесты, слегка перепила французского золотого шампанского, то и дело пускала слезу, словно прощалась с Ариной навек. Улучив момент, спросила:

– Ариш, как же ты так сумела? Я даже ничего не заметила. Когда успела?

– Не надо спать, Зоенька, жизнь коротка, – хохотнула подруга.

Она схватила своего свежесуженого за шею, развернула от дружка-собеседника, смачно поцеловала в губы. Затем бросила, наклонилась к Зое и, утирая брезгливо салфеткой губы, прошептала:

– Тьфу! Никакого сравнения с Игорьком!..

Зоя стала жить в комнате одна. Арина специально для этого пока не выписывалась из общежития. Она и в гости заглядывала частенько, благо, общежитие стояло рядом с институтом. Бывала изредка у Арины и Зоя, когда мужа-комсорга дома не случилось – как-то не глянулся Зое сей лидер молодёжи. Не особо восторженно отзывалась о супруге и сама Арина. Лишь гордилась своими двухкомнатными апартаментами, да всякими видами, музыкальными центрами, холодильными барами, сервизами. Хотя, на взгляд Зои, в квартире подруги было неуютно, мрачно, загромождено.

Однажды вечером, когда Зоя, спасаясь от раскалённой радиаторами атмосферы в комнате, в одних трусиках валялась с учебником на кровати, раздался дробный стук. Она накинула воздушный халатик, отперла. За дверью стоял смущённый Игорь.

– Можно, по старой памяти?

На улице дождило, и мокрое лицо Игоря выглядело заплаканным. Зоя обрадовалась, ойкнула, распахнула дверь настежь.

– Где же ты запропал? Заходи скорей, раздевайся.

– Совсем? – неловко пошутил Игорь, спохватился. – Прости, я в последнее время поглупел.

Он снял куртку, предварительно вынув из внутреннего кармана бутылку «Рябины на коньяке». Только теперь Зоя разглядела – гость слегка подшофе. Хотела выговорить, но сдержалась. Принялась суетиться, по прежней привычке накрывать сразу на стол. Игорь сидел сбоку на стуле, болтал о том о сём, порой замолкал и, замечала Зоя, взглядывал и взглядывал на постель Арины...

Вдруг, оторвавшись на секунду от дела (она как раз, склонившись над доской, тоненько строгала пошехонский сыр), Зоя перехватила жаркий взгляд Игоря. Он, странно прищурив свои карие глаза, уставился куда-то ниже её подбородка. Ах ты Господи! Она совершенно забыла про лёгкость своего одеяния, про капризность верхней пуговички, то и дело ускользающей из петельки, про бесстыдство своих весомых молочно-белых с голубенькими прожилками грудей, так и норовивших открыться полностью, вплоть до тайной родинки, во всём своём великолепии чужому взору.

Зоя вспыхнула, выпрямилась, задёрнула халатик, пролепетала что-то про дурацкие пуговицы, про жару в комнате, засуетилась было переодеться, но Игорь перехватил её за руку, удержал, умоляюще дрогнувшим голосом попросил:

– Не надо, Зоенька. Так – хорошо.

Целых полминуты колебалась Зоя: мириады мыслей пронеслись в голове – предчувствие важной перемены в жизни, боязнь ошибки, стыд грядущего, горечь прошлого, сладкая радость, любовь и вина.

Игорь остался.

Потом, когда всё произошло, когда на земле одной девушкой стало меньше, а одной женщиной больше, Зоя узнала о том, что Игорь – дурак, слепец, гиппопотам толстокожий, что он смотрел не на ту, что не видел, не понимал своего счастья, и что он всегда любил только её, Зою, и будет любить её всегда, до скончания века...

«Рябина на коньяке» – всё-таки крепкий напиток.

И стали они жить-поживать в любви и согласии в комнате вдвоём. Да, это действительно, как теперь Зоя понимала, были самые счастливые дни в их совместном житье-бытье. И пусть Игорь кричал как-то в пьяном угаре, что-де никогда и не собирался жениться на Зое, если б не квартира, – она старалась не верить его алкогольным бредням. Нет, любил её Игорь, любил – она чувствовала, знала это – в их медовый общежитский месяц.

Лишь одна рюмка горькой отравы огорчила сладкий пир их любви. Тут сама Зоя виновата, пустилась во фрейдистские эксперименты. Уж так ей захотелось, чтобы Арина-подруженька как-нибудь ненароком узнала об их счастье. Но та, как назло, вовремя, в нужный

момент, не заглядывала в гости, не заставляла их как бы врасплох. А так просто, на словах всё рассказать подруге – глупо и по-детски. Тогда Зоя однажды после праздничного застолья – на старый Новый год, – обильно своей рукой подливая Игорю коньячку, довела его до нужной кондиции и предложила, а не нагряться ли, мол, нам в гости к нашей задушевной подруге? Игорь сперва на дыбы встал, но Зоя преотлично знала уже его страсть к авантюрам и хмельным приключениям. Зоя и шампанское для такого случая приготовила, завернули на рынок, ещё и букет кровавых гвоздик прихватили.

Открыл им супруг Арины – в белой рубашке, галстук, подтяжках, – узнал Зою, показал зубы, сделал гостеприимное лицо. Выскочила в прихожую Арина: ах! Она поначалу потерялась, запнулась, но быстро нашла себя, искренне обрадовалась.

– Вот молодчины! А то мы вдвоём скучаем, уже драться от тоски хотели.

– Ну, Ари-и-ина! – укоризненно протянул комсомольский вожак, извиняюще улыбаясь в сторону незваных татар.

И вот когда уже сидели в *зале* за журнальным столиком в высоких неудобных креслах, потягивали после коньяка шампанское, закусывали шоколадным ассорти, светски беседовали о мудрой политике нового правительства и достижениях областной комсомолки, у Зои сердчишко вдруг ткнуло и шевельнулось: странными взглядами обменивались Арина и Игорь, нехорошими – *влажными* взглядами.

Потом на кухне, помогая хозяйке мыть-вытирать посуду, Зоя воткнула в то больное, что возникло опять в их треугольнике и всё более уплотнялось, жгучую занозу. Обсасывая янтарный кружок лимона, спросила:

– Ты детей-то не думаешь заводить?

– Не надо мне этого, – скривилась Арина. – Я лет до тридцати пожить хочу спокойно.

– А меня вот уже на кисленькое и солёненькое потянуло. Как ты думаешь: из Игоря хороший отец получится?

– Не знаю, – сухо пробормотала Арина и, портя перламутровый маникюр, схватилась за грязные тарелки.

Но Игорю пока не суждено было заделаться папашей. Узнав о новости, он потратил немало слов, усилий, красноречивых жестов, убеждая Зою: надо, мол, сделать диплом, поступить, как ей уже предлагают, в аспирантуру, тогда и короедов строгать. Убедил. Зоя, выплакав тазик слёз, пошла в больницу, убила первенца, не зная, не подозревая, что через несколько лет Бог страшно накажет её, забрав к себе второго и последнего в её женской судьбе ребёнка.

А вскоре им пришлось зарегистрироваться. Телерадиоконторе выделили двухкомнатную квартиру, в неё перебрался один из телеветеранов, освободив однокомнатную в центре, на Интернациональной. Игорю сказали: срочно женись хоть на козе и – квартира твоя. Игорь женился на Зое.

Роль хозяйки квартиры Зою привела в восторг. Она покупала, обставляла, шила, красила, натирала, обклеивала, украшала. Заставляла и мужа мастерить всякие антресоли, шкафчики, полочки, стеллажи – молоток да рубанок Игорь держать в руках умел. Одним словом, скучать было некогда. А нет скуки – нет и ссор. Всё вроде было у них в семье хорошо, спокойно и на уровне. С Ариной Зоя как-то перестала общаться – всё некогда, то да сё. Да и ладно. Юность ушла, а вместе с нею и друзья-подруженьки. Оно и спокойнее. Потом Зоя ходила в положении, трудно рожала, воспитывала-растила сынулю. Затем – чёрная череда траурных дней и ночей...

В этой жизни Арине и места-то не находилось.

И вдруг как кирпич на голову, как пуля в сердце – то злосчастное утро, когда Зоя вернулась из деревни раньше срока. И что за, ей-Богу, идиотская у неё привычка такая – возвращаться всегда не вовремя!

Арина, как стало известно Зое стороной, года три назад выгнала своего стремительно лысеющего комсомольца, а может, тот сам ушёл, и осталась полновластной хозяйкой квартиры.

А совсем недавно, говорят, она выскочила замуж за какого-то то ли немца, то ли австрийца, а иные утверждают даже, что – еврея, родила дочку и – вот новости! – собирается уехать туда. Да, впрочем, лучше бы и уехала, уматывала к такой матери!..

* * *

Зоя очнулась – ей слышались шаги в коридоре. Хотела вскочить с кресла, но занемевшие ноги подкосились. В комнате уже угнездилась ночная темь. Луна широкоскулой китайкой во все глаза заглядывала с любопытством в незашторенное окно. Зоя, преодолевая мурашливую боль в икрах, поднялась, включила люстру, запахнула занавески, глянула на часы – начало двенадцатого. Вот так-так! На шуточки это уже мало похоже. Сердце Зои сжало-стиснуло предчувствие. Незнание становилось невыносимой. Вдруг его опять где-нибудь по голове ударили и уже – насовсем? Что, что делать? Боже мой!

Она пошла в прихожую, обулась, накинула поверх халата плащ, взяла ключи, достала из шкафа фонарик. Пораздумывала, скинула босоножки, сходил на лоджию, прихватила косырь – огромный широкий нож для подкопки моркови, редьки, свёклы и прочего подземного овоща. При случае же, как теперь, вполне можно испугать лихого человека – а в их громадном доме лихих людишек по коридорам да извилистым переходам лестничным можно встретить в любое время дня и ночи.

Внизу, в вонючей духоте подъезда, Зоя, задерживая бурное дыхание, долго возилась с замочком почтового ящика. Сквозь дырочки она уже видела – там что-то есть. Наконец, одолела замочек, распахнула дверцу – конверт, опять чистый. Она схватила и сразу увидела странность, нижняя часть пакета – округло выпукла, словно в нём лежит тюбик помады. Зоя, зажав фонарик под мышкой, стараясь не поранить саму себя косырём, надорвала конверт – цилиндрический бумажный сверток. Развернула – там ещё целлофан. И...

Зоя вскрикнула, чуть не отшвырнула пакет, но удержалась, лишь упустила фонарик. Он тукнулся о бетонный пол, исчез. Зоя присела, судорожно начала шарить, но хватала и хватала пальцами лишь мерзкий мусор, всякую дрянь. *Это* она, скомкав, зажала в одной руке с косырём и держала на отлёте. Наконец плюнула на фонарик, кинулась вверх по тёмной лестнице. На второй площадке вспомнила – ключи остались в дверце ящика. Вернулась ощупью. И тут запнулась, к счастью, о фонарик...

В квартире, задыхаясь и уже всхлипывая, Зоя развернула свёрток. На окровавленном лоскутке целлофана лежал человеческий палец – мизинец. На жёлто-белой коже ярко синела кривая буква «ь», похожая на ять. Зою затошнило. Она завывала, заплакала навзрыд от ужаса, боли и тоски.

И не сразу, чуть погодя, на клочке бумаги-обёртки увидела строку печатными буквами, начертанных красным кровавым фломастером: «Ещё ровно сутки».

Ещё сутки!

V

Для Игоря день этот начался и длился спокойно. Отлежавшись, он чувствовал себя бодрее, боли приглушились, и – вот чудеса! – опохмелиться не тянуло. Что значит благородные напитки употреблять.

Рано утром светловолосый сводил его, так же в сумке-капюшоне, в туалет. Сторожил снаружи. Игорь, освободив голову, обнаружил себя в деревянной будке – домов в городе с такими удобствами во дворе имелось полно даже в центре. Ни щёлочки, ни дырочки в стенах, чёрт побери! А так хотелось сориентироваться в пространстве.

Потом потревожили его до вечера всего лишь дважды. Сперва, уже часов в одиннадцать, спустился опять парнишка, принёс открытую банку шпротов в масле, помидорину, банан, кусок хлеба и бутылёк пепси-колы. Игорь с аппетитом порубал. Парень присел рядом на краешек ложа, смотрел. Потом спросил:

– Хотите выпить? Я открою, скажу – сам: мне до вечера не ездить.

– Нет, спасибо, – легко отказался Игорь и улыбнулся. – А то сопыюсь здесь у вас в алко-голика.

Парнишка улыбнулся в ответ, стыдливо прикрывая рот. Потёр свои ручищи, пожал крутыми плечами, чего-то стеснясь. Не выдержал.

– Скажите, вы вот журналист... в газете... Вы в стихах понимаете?

Ну вот, что и требовалось доказать. Игорь снисходительно усмехнулся.

– Сочиняешь?

Парень потупился, зарделся, пригладил потной ладонью вихрастый чуб.

– Сочиняю. Только... Вы бы глянули...

Тетрадка – школьная, голубенькая, скрученная в трубочку, обнаружилась у гангстера-поэта за пазухой. На обложке надпись: Вадим Головкич «Стихи». Автор робко протянул её заключённому литконсультанту. Игорь, прихлёбывая пепси, которую выбрало нынешнее молодое поколение, принялся просматривать... Гм!

*Все говорят, что Бога нет,
А я хочу, чтоб был.
И чтобы я на всё ответ
У Бога находил.*

*Чтоб я воскликнул: «Милый Бог,
Прошу я – успокой!»
И Бог, конечно бы, помог
И дал бы мне покой.*

*Мне непонятно самому,
Чего я так хочу.
И странно даже, почему
Не плачу, не кричу?*

*С ума, наверно, я схожу –
Весь свет мне нетерпим!
И, говорят, во сне твержу:
«Любим я? Не любим?»*

*О, если бы понять я мог –
Творится что со мной?
Родной мой, милый, добрый Бог,
Молю я – успокой!*

Игорь взглянул на затаившего дыхание автора.

– Совсем неплохо – поздравляю. Поверь, я графоманов повидал. А у тебя – что-то есть. Главное – мысль и чувство. Молодец!

Игорь хотел добавить для полной правды о наивности, но новоявленный поэт, распалившийся от радости и смущения, прикрыл ладонью беззубую безбрежную улыбку, признался:

– Я это ещё в школе написал, в десятом...

– Слушай, Вадим, – перескочил вдруг Игорь, – а что ты здесь делаешь – среди этих?

– Должен.

– Кому? Что должен?..

Игорь вцепился-впился в парня, начал выматывать-разматывать узелок за узелком кой-какую информацию. Паренёк, взбодрённый, вдохновлённый благожелательным отзывом на свои сочинения, чуть-чуть разговорился, подраскрыл закулисные механизмы гаражной жизни.

Получалось следующее. Он, Вадим, учился в одном классе с Лорой... («Да кто ж такая Лора эта самая?») О, Лора! Её даже Карим слушается, главный. Так вот, Вадим учился с Лорой, за одной партой сидели («Это ей стихи-то?» – «Ей»), а Лора – родная сестра Толстого (борова, оказывается, среди своих Толстым кличут), а Толстый – первый подручный и телохранитель Карима, главного. А у Карима во многих городах и в самой Москве – свои люди. Здесь Карим временно, проездом, уже закончил свои дела. Вадим у него тоже временно, отрабатывает какой-то долг в качестве шофёра-телохранителя. Ещё немного и он рассчитается полностью, тогда сразу уйдёт – Карим клятвенно обещал отпустить. Только вот с Лорой...

Тут поэт начал путано объяснять, с недомолвками, понять что-либо было сложно, а что и понималось, ставило в тупик, вызывало брезгливое недоверие. Вроде бы у Карима с Толстым гнусная связь, но в то же время Карим официально считается как бы женихом неведомой Лоры, имеет и с ней отношения... Лора очень изменилась за последнее время, но он, Вадим, надеется остановить её, уговорить, увезти...

– Скажи, – спросил напряжённым полушёпотом Игорь, – а что, меня и вправду... убить могут?

Вадим увёл взгляд, сгорбился.

– Могут.

У Игоря сердце притиснуло...

Когда поэт ушёл, он откинулся на своё арестантское ложе, призадумался. Да нет, бред какой-то! Как можно ни с того ни с сего убить человека? Ни за понюх табаку! Что, кому, когда он сделал плохого? За что такое выпало ему?..

Мысли прыгали, клубились, неожиданно повернулись на другое. На Арину. Что она сейчас думает? Зоя-то худо-бедно в курсе, а Арина? Ждёт или уже ждать перестала? Он должен был прийти вчера к шести. В эти дни, перед долгим, а может быть, и вечным расставанием, они встречались каждый вечер, не могли никак насытиться друг другом.

* * *

Всё полыхнуло вновь, когда они с Зоей ввалились неожиданно к Арине в гости.

Полыхнуло и вновь померкло. На время. Да и – колдовство какое-то! – на расстоянии друг от друга, не видясь, они жили довольно спокойно, держали себя в рамках. Но стоило им увидеться, сблизиться на расстояние менее трёх шагов и – словно ток пробежал между ними, закончилось. Их неудержимо, безрассудно, хмельно начинало тянуть-притягивать друг к другу, и они не противились этому сладострастному притяжению, да и не могли противиться. Над ними господствовала страсть. В тот, первый, ещё общежитский, период их отношений такого накала и в помине не было, а тут – словно томительную любовную порчу на обоих напустили.

Когда Зоя захватила их врасплох, у них случилось это впервые после разлуки. Игорь, оставшись на некоторое время без жены, хорошенько гульнул и в тот свежий августовский мокрый вечер возвращался в пустую квартиру. Благодушно настроенный, всласть опохмелившийся в «Центральном», он вышагивал с твёрдым намерением – наутро начать новую жизнь, встретить супругницу трезвым, проспавшимся и подтянутым. Дома дожидался ещё стограммовый мерзавчик грузинского коньяка «Варцixe» – в самый раз перед сном причаститься.

И – нате вам! – аккуратно уже возле дома родного: чок! чок! чок! – каблучками выстукивает Арина, рассекает узким плечиком атмосферу, по привычке посматривая сквозь большие модные очки несколько вниз и вбок. А походка у неё!.. Походка – вот визитная карточка женщины. А в наши дни женщины с красивой женской походкой реже встречаются, чем стройные ножки во времена Пушкина. Игорь любил в Арине всё, а походку – особенно.

– Арина!

– А, это ты? Здравствуй.

Она сделала вид, что огибает-обходит его, что ей некогда, да и вообще – зачем? о чём?..

– Аринушка! – Игоря приподняло на крыльях, понесло, сердце – пламенный мотор. – Арина! Я как раз о тебе только что думал...

– Не надо обо мне думать, – сурово прервала Арина, но почему-то сделала шаг, положила ладошку на грудь Игорю, побарабанила ласково пальчиками. – Не на-до.

Игорь запыхался, задохнулся, потащил-заприглашал Арину в гости. Она не сразу поддалась, пошла с неохотой. На кухне, оттопырив мизинчик, пригубливая из хрусталия «Варцихе», запивала из фарфора «Арабикой» и, осматриваясь кругом, объясняла взбудораженному Игорю, какая ему досталась замечательная жена – домовитая, аккуратная, хозяйственная. Игорь даже злиться начал.

Когда Арина наклонилась над раковиной («Нет-нет, мытьё чашек – дело женское...»), он подкрался сзади, запустил руки ей под локотки, поймал под ажурным свитерком раскалёнными ладонями её маленькие живые грудки – они сразу дрогнули, напряглись – и впился пересохшим ртом в шею, раздвинув губами ароматные, пахнущие свежими яблоками, волнистые волосы.

Арина на мгновение замерла, затем гибко изогнувшись, повернулась к нему лицом, сквозь свои и его очки оглушила его томным, влекущим, призывным взглядом и грудным дрожащим голосом выдохнула:

– Не надо мне шею целовать. Ты – грудь мою целуй.

И она, мокрыми руками перехватив себя крест-накрест, стянула через голову лёгкий бордовый свитерок...

Игорь считал, что рассталась Арина с мужем из-за него. Да, вероятно, так оно и было: не в характере Арины прятаться, семейно скандалить. Ух и жизнь страстная у них пошла! Игорь чуть не каждый день улучал момент заскочить на Набережную – хоть на часок. Но чаще – на два, три, а порой и на всю ночь. С Ариной он терял чувство времени, отключался от внешнего мира. Впрочем, и Арина, каждый раз поначалу флегматичная, не очень улыбчивая, холодноватая, капризная, – всё сильнее ободрялась, вдохновлялась, вдруг вспыхивала, опьянялась и уже сама просила умоляющим шепотом:

– Не надо уходить, останься!..

И ведь не только постель соединяла их. Они могли часами сидеть на кухне, попивая кофе, чай или винцо, и говорить, говорить, говорить – с жаром, пылом, взахлёб. Им ни секундочки не было скучно и тягостно вдвоём, наедине – вот что самое сладостное. Ну, а уж постель... Игорь, лаская Арину и принимая её ласки, сходил с ума, сторал, терял сознание. И когда дома, на работе ли на секунду вспоминал объятия Арины, её хриплый шёпот, у него кружилась голова и постанывало под ложечкой.

Шло время. Игорь уже всё чаще начинал подумывать о каком-то решительном шаге. Хотя, по своему характеру, он жуть как не любил принимать решения, что-либо менять, особенно если всё и вся сейчас, в данный момент, хорошо и распрекрасно. Но он уже подумывал и о разводе, и о переезде на Набережную, что-то уже лепетал-приборматывал на эту тему в подконьяченном виде...

Как вдруг всё опять рухнуло.

К тому времени Арина, прожив все сберкнижковые запасы, пошла впервые в своей жизни на заработки. Ей предложили должность секретаря-переводчицы при одном загранич-

бизнесмене, открывшем в городе какое-то совместное предприятие. Тот по-русски *ботал*, но весьма коряво. Арина пошла на это место, увлеклась, с восторгом рассказывала Игорю о деловизме иностранца, его валютных богатствах, шикарности его серебристо-зелёного «Мерседеса»...

Арина и так свысока смотрела на окружающую действительность, и так вместо «здесь», «у нас», всегда говорила, повторяя чужие слова, «в этой стране», «эти русские», а теперь и вовсе заделалась демократкой. Игорь же страдал хронической формой ярко выраженного урапатриотизма, национализма и даже шовинизма. Разумеется, по терминологии и в понимании, например, того же председателя телерадиокомитета, любящего приклеивать такие ярлычки. Сам Игорь себя никаким шовинистом не считал: он не бил инородцев, не угрожал им, даже не выказывал им своей ненависти. Он просто не любил всех этих инородцев, сосущих из России кровь, жирующих на её земле, считающих себя хозяевами «этой страны». Он уважал и чтит права человека и считал, что каждый человек имеет право любить кого-то или что-то или не любить. При чем здесь шовинизм? У них с Ариной на этой почве начали вызревать дурацкие размолвки, ссоры-диспуты, обиды.

И вот однажды, когда Игорь только прибежал на Набережную и только-только пригубил водочки (что-то настроение запаршивилось, вот и прихватил с собой «Столичную»), он даже ещё ни разу Арину не поцеловал – поцелуям ещё черёд не наступил, как неожиданно засвиристел дверной сигнал и в проёме открывшейся двери возник плотный рыжий господин в каком-то смокинге, что ли, и галстук-бабочке. Он вручил хозяйке богатый букет разноцветных гладиолусов, вынул из атташе-кейса чудовищных размеров конфетную коробку ассорти и плоскую флягу чего-то заморского. Это и оказался Эммануил Генрих Ваксель, президент фирмы «Гутентаг» и шеф Арины.

«Гладиолусы-то только на свадьбах дарят», – неприязненно подумал Игорь и надулся.

Для него настали чёрные дни. Острые спицы ревности одна за другой протыкали и насквозь дырявили встопорщенный клубок его сердца, неисчислимо множились. Главное, что бесило Игоря – невозмутимость господина Вакселя, его подчеркнуто любезное и чуть высокомерное отношение к нему, Игорю. Капиталист проклятый словно не понимал статус-кво Игоря в этом доме, как бы считал его за такого же почти официального гостя, каковым являлся сам. И особенно что доводило до белого каления: этот вальяжный оккупант снисходительно как-то беседовал, порой вообще перескакивал в разговоре на немецкий, а Игорь этот каркающий язык хотя и долбил несколько лет, так и не впустил в сознание, понимал чуть. По-русски же господин Ваксель всё сентенции на гора выдавал, готовые словесные блоки. Огладит свою задрипанную рыжую бородёнку и изречёт нечто вроде: *«Молотость – это есть етинственный погатств, который нато сторожить, перечь»*.

Или: *«О-о, красота есть отин из вит гений»*.

Или: *«Мушчины есть шениться от усталость, а фрау, шеницин, есть выхотить замуш из люпопытств»*.

И прочее, и прочее в том же духе. Да отчего же он такой умный, психовал Игорь и, психуя, сам глупел, отступал в разговоре, тушевался. Но как-то ненароком в дипломате коммерсанта он углядел краем глаза тёмно-жёлтую обложку «Избранного» Оскара Уайльда. Ага! То-то всё знакомое мерещилось в Вакселевых афоризмах. На следующий день Игорь откопал в областной библиотеке томик английского писателя, перечитал «Портрет Дориана Грея». Так и есть!

В следующий раз, только рыжий немец – или кто он там? – начал: *«Влюплённость начинит с того, что человек есть опманивать себя...»* – как Игорь перебил, продолжил:

– Ага, а кончает тем, что обманывает другого! Оскар Уайльд, «Портрет Дориана Грея», лорд Генри Уоттон.

Тевтонец смешался, начал, как филин, глаза округлять, делая вид, будто не допёр в чём дело, а Арина на Игоря же вдруг рассердилась:

– Не надо хамить, а! Перестань сию же минуту!

И принялась за него, за Игоря, зачем-то извиняться перед фрицем...

Игорь ещё на что-то надеялся, оттягивал неизбежное объяснение, ждал какой-нибудь развязки извне, самособойной. И снова, как в юности, точку над *i* поставила вынужденная разлука. Игоря направили на стажировку в «Останкино» на два месяца. Отказываться глупо: пожить в любимой Москве, поработать по-настоящему.

Арина по телефону разговаривала всё более странно, тревожно для него. Когда же он вернулся и сразу позвонил Арине, мол, сейчас примчусь, она призналась – прости, не поминай лихом, вышла замуж.

Вот уж тогда Игорь унырнул в настоящий запой, отпустил себе все и всяческие вожжи. Пробовал, в пьяном угаре, выяснять отношения с Ариной и с её упитанным мужем – только опарафинился, унизился, выставил себя шутком. Встретил потом раз случайно Арину, уже с коляской, на берегу – поздоровались, поговорили индифферентно, о том о сём. Арина, поху-девшая и ещё загадочнее похорошевшая, сделала вид, будто не слышит гулко-го боя Игорева сердца. Сказала: вполне счастлива, живёт на уровне. Игорь удерживал на лице плоскую маску спокойствия, а потом шёл слепо домой, ожесточённо, пугая встречных, стучал кулаком о ладонь, вскрикивал: «Не люблю! Не-на-ви-жу!» – и чуть не плакал от обиды, ревности, горя и безысходности.

Подпив в один из вечеров в «Центральном», он, по какому-то наитию, уже на выходе снял трубку телефона-автомата, накрутил родной номер: 22-83-57. До укола в сердце знакомое:

– Да-а? Я слушаю.

Игорь пьяно задохнулся от счастья, залепетал, заоправдывался. И вдруг услышал:

– Ты сможешь сейчас приехать?

Игорь схватил частника, помчался сломя голову, даже забыв спросить: где муж-то?

Его не оказалось – уехал по делам к себе за бугор. Арина с удовольствием погрузила улыбку в роскошные пионы, которые Игорь успел подхватить у бабуся на крыльце ресторана, предупредила:

– Только тихо, Игорюш, Полю не разбуди.

Какую Полю? Кто такая Поля?.. Ах да, дочка! Игорь, обалдевший от улыбки, от влажного блеска Ариных глаз, от «Игорюши», схватил любимую женщину в объятия и прямо тут же, у порога, чуть не задушил от избытка чувств...

Ну, уж теперь-то – всё? Теперь-то кончились пропасти да полыньи в их отношениях? Эммануил уезжал часто – и по стране, и за кордон. Игоря – он сам себе удивлялся – это вполне устраивало. Где-то в глубине души он сознавал, и боялся сам себе до конца признаться в этом, что случись им с Ариной сойтись насовсем, начать жить дни и ночи под одним потолком и – очень скоро пламя, сжигающее их, утихнет, уменьшится и даже, не дай Бог, исчезнет вовсе, пропав под пеплом бытовой рутины.

В одно не очень прекрасное утро Эммануил Генрих их застукал. Он поехал в Москву на поезде и, как потом разъяснилось, на узловой станции у него, пока он курил на улице, свистнули кейс с деньгами и деловыми бумагами. Пришлось со встречным вертаться *нах хаус*. А Игоря угораздило ночевать остаться. Он аж подскочил от внезапного утреннего звонка, обмер. Арина приподняла с подушки встрёпанную голову.

– Муж, – угрюмо сказала она, накинула халатик, пошла открывать.

Ну всё – сейчас драка будет. Игорь не умел и не любил драться. Да и – паскудство! – этот ганс намного здоровей его, потяжелее в весе. Игорь только успел брюки кое-как натянуть, рубашку накинуть и натягивал суетливо носки, сидя на измятом супружеском ложе, когда вошёл в спальню обманутый муж. Он нелепо застыл, растопырил руки, захлопал рыжими ресницами.

– О-о-о! Зачьём это есть? Почьему нато такое? Нехорошо!

Игорь, держа дурацкий носок на отлёте, оторопело смотрел на соперника снизу вверх.

– Не надо кричать, пожалуйста, – спокойно сказала мужу Арина – она стояла, прислонившись к косяку двери, скрестив под полуобнажённой грудью руки. – Полю разбудишь...

Потом Арина рассказывала, как Эммануил слегка всплакнул, поупрекал её и даже попросил пооскорблять *по-русски*, но Арина осадила без жалости: будешь выступать, мол, вообще тебя брошу и уйду к Игорю – его давно люблю, а тебе мою любовь ещё заработать надо. Бедный ариец обмяк, да и пропажа важных документов его тревожила чрезвычайно – слёзы утёр и побежал в свой офис... Они же с тех пор стали чуть осторожнее, осмотрительнее, ночевания прекратили.

И вот – ошеломительный финал. Уговорил фон Ваксель Арину, увозит из «этой страны». Игорь и думать боялся – как он будет жить...

* * *

Жить?

Игорь глянул на циферблат – пятый. Усмехнулся криво сам себе: может жить-то осталось пару часов...

Что это? Он наконец понял, что от мыслей-воспоминаний его отвлекла внешняя причина. Он вскинулся, присмотрелся: так и есть – дверь-вход чуть приоткрыта и в щели поблёскивает чей-то глаз.

– Кто там? – вскрикнул Игорь.

Дверца распахнулась шире, и на лесенку ступило эффектное существо, судя по раскраске лица – женского пола. До невероятности худа, безгрудая, пепельные волосы ёжиком, узкие фиолетовые губы трещиной на остром, по-своему красивом, лице. Так же фиолетово-чернильные веки и длиннющие когти на косточках-пальцах, кривые тонкие ноги обтянуты сиреневыми лосинами, на остове-торсе – чёрная маечка-безрукавка, при резких жестах видны подмышечки меха. Плюс ко всему у экстравагантной гостьи левый глаз подёргивался, то и дело полужакрывался, словно она фривольно подмигивает. Игорь хотел, не сдержавшись, улыбнуться, но вовремя подавился – никакой фривольности в нервном подмигивании этой особы не было и в помине. В глазах её плескалась, кипела сумасшедшая злость, алкогольная дурь.

Деваха, пошатываясь, встала над Игорем, заложила руки за крестец, начала рассматривать его молча и в упор. Боже, уж не Лора ли это?.. Бедный поэт!

Она, наконец, разлепила безгубый рот:

– Н-н-ну?

– Что «ну»? – садясь, опуская ноги на пол, пожал плечами Игорь.

– Вста-а-ать, мразь! – рывкнула вдруг мегера и, взмахнув из-за спины рукой, хлестнула-обожгла Игоря по плечу чем-то садким, гибким, похожим на кончик телескопической удочки.

Игорь вскочил, сделал движение броситься, шарахнуть суку по башке, но та, гортанно взвизгнув, вдруг подпрыгнула, крутанулась штопором и саданула Игоря пяткой в грудь. Он кувырком покатился на раскладушку.

– Ха! – довольно усмехнулась оторва. – Получилось!

Она ткнула свой прут-хлыст под кадык опрокинутому Игорю, нажала до дикой боли и прошипела:

– Не подпрыгивай, убогий, враз пришибу. Меня Лора зовут – слышал?

В мозгу Игоря выскерк: Лора! Да, да! Это же вон почему знакомо... В Одессе, он читал, в Гражданскую славилась девушка-палач по кличке Лора – любила с пленных белогвардейских офицеров кожу живьём сдирать, рубила им руки-ноги... И ещё подумал: ну всё, уже бабы меня бить начали – дожил.

– Слышал, – просипел он, вдавливаясь затылком в матрац, уклоняясь от жалящего стека. – Ну, как там, в Одессе?

– Чего-о? – Лора отпятила полоску губы. – В какой Одессе? Бредишь, убогий?

Она вдруг заскучала, бросила жертву, направила стопы к продуктовому углу, сунула длинный нос в коробку с «Чио-Чио-Сан». Ну всё: сейчас розового «вермута» хлебнёт и – финита ля комедия...

Но, по счастью, новоявленная бандитка выудила бутылку с натуральным вином, вскрыла, жадно вылакала стакана полтора, утерла щель рта, явно подобрела.

– Ладно, убогий, живи пока. Но уж если в шесть не откупишься, лично займусь – яйца расплющу.

Игорь побагровел.

– И чего это вы в мои яйца вцепились? Один отобьёт, другая расплющит! Свои яйца поберегите... убогие!

Лора, против ожидания, хмыкнула:

– Хм! Мне яйца побережь?.. А ты ничё мужик, с приколом. Жаль только – лох лохом.

Она ещё похлебала травяной настойки, зажала почти ополовиненную бутылку в когтях, вскарабкалась к выходу, исчезла, бросив напоследок:

– До встречи, убогий!

Игорь опять на какое-то время погрузился в полузабытьё-полудрёму.

Когда за ним пришли, было семь вечера. Он по приказу жирного выбрался из норы, шурясь, мигая, присел на стуле посреди гаража – как на суде. Все его новые знакомые находились в сборе. Поэт, подставляя ему стул, ободряюще сжал плечо: держитесь! Лора пьяно кривилась, постукивала стеком по своей сиреневой коленке, подмигивала, прикладывалась к фужеру, Пидор, злорадно лыбясь, смотрел на жертву, мял-разминал свои толстые пальцы. Горец сидел на стуле-троне, невозмутимо посасывая мундштук. Он первым разомкнул уста.

– Э, дэнэг нэт. Пачэму?

– Да я ж говорил, предупреждал – нет у нас таких бешеных денег

– Что дэлат будэм?

– Что, что... Пошутили и хватит. Мне домой пора.

– Домой! – фыркнул Толстый, хохотнул утробно. – Твой дом теперь – конверт, гроб повашему. Пора, Карим?

Бородатый молчал. У Игоря вспотели ладони. Подала голос Лора:

– К-каримчик, я вот чего думаю... Ещё время чуть имеется. Надо овцу его напугать. Давайте пошлём ей приветик от него, а? Часть тела в натуре, а? Ха-ха-ха! Самую любимую её часть, а? Представляете, откроет конверт, а там – любимый толстый орган родного мужика, а? Эй ты, убогий, он у тебя толстый, орган-то?

Она в восторге от своей затеи закатилась залиvisto, ногами затопала.

Горец впервые усмехнулся, блеснув золотом, протянул княжескую длань, потрепал одобрительно профуру за острую скулу

– Э, правильна. Толька нэ нада так жестока. Для мужчины бэз этава – смэрт. Мы палэц ей пашлём.

– Мизинец! – вскочил хряк, потрясая своей увечной лапой. – Чего это, у меня не хватает мизинца, а у него навалом. Мизинец!

Игорь апатично слушал этот бред, стараясь уверить, успокоить себя – покуражатся и перестанут.

У него волосы начали шевелиться на голове, сердце скукожилось, когда боров сбегал и притащил с улицы круглый чурбачок, большой топор-колун, алюминиевый таз. Пока он возбуждённо суетился, Вадим из своего угла тихо попросил:

– Карим, может, не надо? Не надо, Карим, а?

Карим промолчал, а Лора вскочила, бросилась к парню, повисла на шее.

– Вадик, ты чего? Тебе жалко его? Этого мужика убогого жаль? Да наоборот – жив останется. Ему же лучше делаем!..

Потом братец с сеструхой подступили к Игорю, ухватились. Он затрепыхался, забился, замычал от бессилия. Жирный саданул его кулаком по темени, и, став вялым, пластилиновым, Игорь словно со стороны наблюдал: ему перетянули запястье левой руки шнуром, вытянули мизинец на чурбачок-плаху в тазу, Лора, отвоевав топор, прицелилась и, прикусив от старательности и удовольствия губу-ниточку, легонько тюкнула. Мизинец отскочил, как сухой гороховый стручок. Крови вылилось немного. Карим неспешно вывалил из вазочки бананы, набулькал в неё «Плиски», протянул палачам. Лора догадалась, схватила руку Игоря, сунула раной в коньяк...

Потом – сколько прошло времени, Игорь не понимал – он плавал, медленно кувыркаясь, в какой-то вязкой жиже, его тошнило. Вдруг увидел Вадима – тот, смочив чем-то жгучим рану, бинтовал руку, успокаивал:

– Ничего, ничего, потерпите. Главное, чтобы заражения не было. Может, коньяку дать?

– Нет, не хочу, не буду, – почему-то отказался Игорь.

Поэт наклонился к нему, прошептал:

– Завтра мы все рано уедем до самого обеда. Одна старуха останется. Эту дверцу поддеваете снизу. Гаражные ворота только изнутри будут заперты, на перекладину. Бегите. Только, не домой. До ночи спрячьтесь. Мы здесь – последний день. Поняли?

Игорь молча кивнул.

VI

Зоя никак не могла усидеть на месте.

Она лихорадочно металась по квартире: из комнаты на кухню, из кухни в ванную, выскакивала на лоджию – бессмысленно смотрела минуту-другую на зловеще-кровавую физиономию луны. Оказываясь снова в комнате, Зоя старательно уклоняла взгляд, не смотрела на кровавый целлофановый ком, лежавший на письменном столе. Потом пересилила себя, спрятала мёртвый мизинец мужа в пакет, отнесла и засунула зачем-то в морозильную камеру холодильника – рядом с говяжьими костями, двумя пачками масла и минтаем.

Так, теперь – думать, думать и думать. Сперва она загорелась было сразу звонить по 02, но тут же себя одёрнула: ишь, начиталась в юности Юлиана Семёнова да насмотрелась сусально-сказочных «Знатоков» по телевизору. Нет, на милицию надежды мало. Надо искать деньги. Где? Как?..

Чуть лишь забрезжил за окном равнодушный рассвет, план в общих чертах у Зои обрисовался. Первым делом она выскребла из сусеков все наличные. От полочки с отпускными осталось тридцать тысяч да от старых запасов, от Игоревых отпускных, сохранилось пять тысячок. Зоя выпотрошила даже сумку, с какой на огород ездили, но там уж и вовсе мелочь завалилась – меньше сотни.

В начале восьмого, когда мир вокруг стал оживать, Зоя, настроив себя, огрубив, торкнулась к соседям.

– Нина, прости, думай что хочешь – я потом, завтра всё объясню... Короче, мне срочно, сейчас, нужны мои деньги. Срочно!

Нина, конечно, опешила, смертельно разобиделась, враз надулась, но, главное, поклялась родными своими часам к одиннадцати все двенадцать тысяч возвратить, до единой копейки.

Зоя дома сразу схватилась за телефон – не дай Бог, Валентина на дачу укатила уже. Но та, к счастью, ещё только собиралась в поход. Звонку несколько удивилась: они с Зоей относились друг к дружке прохладно, на кафедре почти и не общались.

– Валентина Васильевна, – Зоя постаралась говорить помедовее и в то же время понежнее, с достоинством, – вот какое дело... Я слышала, вы ищете подержанный портативный телевизор для дачи? Я как раз решила продать свой «Сапфир»: диагональ двадцати три сантиметра, показывает прекрасно. А нам он на кухне мешает, да и хватит пока одного «Горизонта».

Валентина, подлая, почуяв момент, начала ломаться, кобениться: хотелось бы цветной... да сейчас денег нет лишних... да сегодня некогда... Пришлось уговаривать, уламывать и в конце концов ублажить старуху: всего на пятьдесят тысяч согласиться. Более того, ей, Зое, самой же и пришлось переть телятник, погрузив его в дорожную сумку, к покупательнице на квартиру. Благо, та жила через две улицы. Уже совершив сделку, у порога, Зоя с пылу-жару хотела ещё и займы попросить у седовласой доцентши, но вовремя опомнилась, одёрнула себя, вернула в реальность.

В коридоре у дверей её квартиры толклась Нина, терзала звонок. Вот заело человека, вот разбидело – раньше срока сейчас деньги швырнёт. Было страшно некогда, нервы напряжены, но смотреть на поджатые губы соседки-товарки, на её брызжущие обидой глаза тошно. Нина шагнула навстречу, протянула пачечку бумажек.

– Вот, заberi свои деньги! Спасибочки за помощь!

Зоя обошла её, открыла один замок, второй, третий. Распахнула дверь, убедительно попросила:

– Зайди.

Нина, задрав подбородок, подчинилась, переступила порог. Зоя скинула туфли, включила в прихожей оба светильника, сходила на кухню, принесла уже заledenевший свёрточек, развернула перед носом Нины. Та вскрикнула, всплеснула руками – радужные сотенные посыпались на циновку.

– Это, Нина, часть моего Игоря, – тихо, внешне бесстрастно пояснила Зоя. – Если к шести часам я не наберу полмиллиона – мне пришлют в посылке его голову... Вот так, милая. Так что уж прости меня за жадность.

Что? Как? Когда?... Зоя вкратце рассказала. Нина даже побледнела, брызнула слезами.

– Ой, Зоенька, ой! Ужас-то!.. Стой, я щас...

Она крутнула замок, опрометью бросилась вон, через минуту ворвалась обратно, задыхаясь, сунула в руку Зое три тысячных билета.

– Вот! Я пятнадцать перехватила... Ничего, хлеб есть, картошка есть, вермишель – до полочки дотянем.

Зоя было воспротивилась, но Нина снова принялась обижаться всерьёз, теперь уже на то, что у неё последних денег не берут. Потом Нина захотела выпросить подробности, но Зоя растолковала: времени уже мало и денег ещё мало – потом. Соседка, побожившись всё удерживать втайне, исчезла.

Итак, уже сто тысяч наскреблось. Теперь – следующий этап. Зоя вынула из серванта шка-тулку с документами, отыскала сначала сберегательную книжку, затем два ваучера, которые, слава тебе Господи, благополучно долежали до сего дня вопреки теле- и радиовымогательствам всяких чековых сомнительных фондов. На счету имеется восемнадцать тысяч рубликов, да за каждый ваучер, говорят, уже по двадцать тысяч перекупщики выкладывают: итого – почти шестьдесят тысяч добавится.

Но действительность тут же разбила в пух и прах все расчёты непрактичной женщины. Сначала она ткнулась в запертые двери Сбербанка и узнала под старость лет, что сие финучреждение в воскресенье бастует. Плакали её кровные денежки! На рынке тоже всё пошло кувырком. Зоя вообще не любила базар – его грязь, вонь, толкотню, наглость и шум. Торговаться и

вовсе не умела – торгаши подавляли её своей напористостью, хапужестью, зычным голосом. При случае, если надо было купить, к примеру, лук-репку или, в сезон, арбуз, она пристраивалась к другим покупателям, вслушивалась в их диалоги с торговцами, узнавала цены и тогда уже, выбрав, почти молча покупала товар.

Вот и теперь она с полчаса, теряя драгоценное время, бродила по бурлящей площади городского торжища, не решаясь приступить к делу. На каждом шагу встречались дельцы обо-его пола с табличками на груди или животе: «Куплю ваучер, золото, валюту». Но всё была такая публика, что подойти противно: грязные цыгане, плотные наглые кавказцы, лоснящиеся буйволы из местных с похмельными взглядами, замызганные бабёнки с беззубыми ртами, размалёванные девки проститутского вида...

Наконец, у одного более-менее благообразного старичка с седенькой бородкой Зоя поинтересовалась: почём? Ответ поверг в уныние – шесть тысяч. Зоя метнулась к другому покупателю – женщине преклонных лет: шесть с половиной. Она сунулась было к одному бугаю в иностранной майке и шортах, но тот и вовсе огорошил: плати, тётя, сперва столтник за информацию о цене...

Целый час металась Зоя среди бедламной толпы, уже сама разгорячилась, разохотилась, вошла в роль продавца ваучеров и в конце концов сбыла свою и мужнину часть государственного имущества оптом за восемнадцать тысяч деревянных. Вот и обогатилась – спасибо родному правительству, чтоб ему ни дна ни покрывки!

Было уже начало одиннадцатого. Пора приступать к третьему этапу добывания денег. Зоя побежала в барахольные ряды. Здесь на длинных прилавках и просто на земле теснились-громоздились товары всех видов, размеров, расцветок и степеней изношенности. От швейных иголок до велосипедов, от новеньких импортных компьютеров до потрёпанных детских пинеток. Зоя высматривала среди продавцов человека с хорошим лицом. Один мужчина, степенный, деревенского вида – в полосатой рубашке-косоворотке и кепке-шестиклинке – ей глянулся. Он продавал стиральную машину «Малютку», трёхрожковую люстру и голубой унитаз. Зоя приблизилась, спросила с заминкой, робко:

– Простите, вам пылесос не нужен? Новый, в упаковке. Очень недорого...

– Нет, милая, не нуждаемся. Своё бы добро распродать до вечера.

Обескураженная Зоя отошла, призадумалась. Вдруг:

– Зоя Михайловна!

Она вгляделась: ба! Её студент, Борщевский— в этом году окончил. Она только-только у него экзамен принимала – *фюнф* поставила. Ну и ну! Борщевский стоял в торгашеском ряду, сверкая толстенными стёклами очков, предлагал на продажу всякую мелочь: видеокассеты, женские трусики-недельку, батарейки, жвачку и что-то маленькое в блестящих упаковках – чуть ли не презервативы. Зоя уж и вглядываться не стала.

– Зоя Михайловна, – поздоровавшись, сразу приступил к делу вчерашний студент, – у вас, вижу – проблемы?

– Д-да... – Зоя подумала: а почему бы и нет? А вдруг? – Видите ли... э-э-э... Яков, мне срочно надо продать новый пылесос, а я не знаю, как это делается

– Пылесос? Советский?

– Да, «Ракета»... Но совершенно новый, в упаковке – последней модели.

Студент-торгаш сдвинул на затылок бейсбольную кепочку, протёр профессорские окуляры, поразмышлял с полминуты.

– Ладно. Ради вас, Зоя Михайловна, так и быть – рискну. Да и пора мне дело укрупнять. Пойдёмте.

Борщевский собрал в громадную наплечную сумку своё товарное барахло, попросил соседа по прилавку приглядеть за местом.

По дороге Зоя не утерпела, спросила:

– Вы меня, Яков, извините, но я поражена. Ведь вы учились отлично, немецким владеете уже на уровне...

– На «отлично» учиться не трудно, Зоя Михайловна, если голова есть. С дипломом учителя прожить трудно – вот в чём беда-то. Я ведь, если откровенно, поступал на иняз от души, и вправду хотел учителем стать. Вроде героя Тихонова в «Доживём до понедельника»... Э-э, да что там! Сейчас всё перестроилось, и планы мои тоже перевернулись. А немецкий... Он не пропадёт, спасибо вам, Зоя Михайловна. Вот поднакоплю, как по политэкономии учили, первоначальный капитал, язык тогда и пригодится – будем с Германией связи налаживать. И всё будет *зэр гут*...

Зоя слушала вполуха, а сама всё пыталась утвердиться – какую цену запросить?

В квартире Борщевский разулся в прихожей, оставил здесь же сумку, прошёл в комнату, цепко осмотрелся. Помог хозяйке вытащить из угла, из-за тумбочки с телевизором, резервный пылесос в коробке. Раскрыл, вынул машину, осмотрел-ощупал со всех сторон, включил в розетку, послушал гул, провёл щёткой по ковру.

– Ну и сколько же, Зоя Михайловна?

– Тридцать пять.

– Гм, – начинающий бизнесмен наморщил лоб, ещё раз оценивающе осмотрел «Ракету».

– Простите, Зоя Михайловна, но он в магазине за сорок пять «штук» свободно стоит. На нём трудно навар сделать... Тридцать.

Зоя взглянула в глаза бывшего именного стипендиата через его стеклянную броню – креста на нём нет! Впрочем, крестик у Борщевского как раз имелся-болтался поверх майки. Все её расчёты предварительные продолжали рушиться. Борщевский вынес коробку в прихожую, покопался в сумке, вынул полиэтиленовый свёрток, выудил оттуда запечатанную пачку пяти-сотрублёвок, посплюснул пальцы, отсчитал шестьдесят ассигнаций. Зоя молча стояла, смотрела на бывшую гордость факультета иностранных языков.

– Зоя Михайловна, а может ещё что хотите загнать? – неожиданно спросил Борщевский. – Я возьму, если – вещь.

Зоя встрепенулась: и правда, что бы ещё продать?

– Может, книги?

Скупщик прошёл в комнату, глянул мельком на стеллажи – Достоевский, Чехов, Пушкин, – скривился, пренебрежительно хмыкнул:

– Ну нет, на таких книгах сейчас не заработаешь. Вещи нужны.

– А-а, – вспомнила Зоя, – вон музыкальный центр. Мы им редко пользуемся, он практически новый.

Борщевский опять лишь бегло осмотрел сборную горку радиоаппаратуры в углу у серванта: усилитель «Вега», магнитофон-приставка «Радиотехника», проигрыватель «Ария», усилители «С-30Б» – задумчиво посвистал, приложив палец к губам, вынес наконец вердикт:

– Нет-с, Зоя Михайловна, на этом тоже много не огребёшь – громоздко, а спрос небольшой. Вот если б импортная музыка была... А вот, я вижу вон там пишмашиночку – «Унис», кажется? Вот это я бы взял.

Зоя автоматически, не раздумывая, сразу и наотрез: нет, ни в коем случае! Этой портативной пишущей машинкой более всего дорожил Игорь. Он даже не раз, в пылу семейной конфронтации, заикался, что-де, если уйдёт из дома, то прихватит с собою только «Унис» и 30-томник Достоевского...

– Ну что ж, ну что ж, – медленно обводил жадными очами комнату новоявленный нувориш.

Зоя как бы его взглядом тоже окинула свои владения: да-а-а, не шибко-то роскошно – и своровать особо нечего.

– А знаете, Зоя Михайловна, – решил бывший институтский отличник, – я бы ещё ковер взял. Вон тот на стене.

Над диваном висел красный шерстяной ковёр-красавец – гордость и отрада Зои. Покупали его ещё по спискам, в очереди почти год числились.

– Сколько? – упавшим голосом спросила она.

– Скажу честно: у меня осталось семьдесят «штук» – всё отдам.

Зоя поколебалась, но семьдесят тысяч – весомая добавка.

– Снимайте.

Борщевский шустро вспрыгнул на диван-кровать, кряхтя и охая от усердия, снял с гвоздиков тяжёлый ковёр, свернул-укатал в рулон, расплатился, ушёл, согбенный и счастливый, бросив напоследок:

– Ауфвидерзеен, Зоя Михайловна! Если что – обращайтесь, всегда помогу.

Зоя, закрыв за ним дверь, села в любимое кресло, пересчитала капиталы – двести восемнадцать тысяч. Меньше половины. Она долго и отрешённо смотрела на непривычно голую стену над супружеским ложем-диваном. Страшная усталость глыбой навалилась на сердце. Зоя решила взбодриться, нарушить режим – отправилась на кухню, достала кофемолку.

Пока варился кофе, она ещё и ещё раз пошарила в воображении, в памяти – проверила, есть ли какие-нибудь выходы... Увы, оставалось только одно последнее средство – «Рубин». Господи! А вдруг он тоже в воскресенье не работает?

Зоя, не допив горький кофе, возбудившись и без него от страха, кинулась в комнату к серванту, выпотрошила свою заветную дамскую шкатулочку. Среди янтаря, финифти, мельхиора, меди, бирюзы и прочей полу- и четверть драгоценной ювелирной мелочи, накопленной годами, в отдельном футлярчике покоилось золото: два обручальных кольца, серёжки в виде ромбиков, цепочка и перстень с изумрудиком. С неделю назад Зоя заглядывала в «Рубин», любовалась на витрины – в ценах примерно разобралась. Хотя в скупке, конечно, безбожно будут занижать – так что надо с запасом рассчитывать.

Итак, обручальные кольца сразу в сторону: очень, говорят, дурная примета потерять или продать свадебное кольцо – семье тогда не сохраниться. Зоя сама себе усмехнулась: да-а-а, их семья, видно, на обручальных кольцах только и держится. Недаром они с Игорем так их берегут, даже вот решили не носить от греха подальше. Серьги... За них можно сто тридцать запросить. За цепочку – сто двадцать... Эх, опять не хватит! Придётся и перстень любимый – подарок матери – отдавать, тысяч за сто. Ого, триста пятьдесят набегает. Это более чем с лихвой, ещё и на хлеб-чай останется...

Ну уж если пошли по дороге колдобины да рытвины, то и конца им не видать. По пути Зоя заскочила в Дом торговли, потешила любопытство: такой ковер, какой утартал у неё Борщевский, стоил сто двадцать тысяч. За спасибо, выходит, отдала. А тут ещё – ювелирный магазин сам-то работал, а вот скупка отдыхала. И, как тут же пояснили расстроенной Зое всезнающие женщины в деревенских платочках, отдыхает скупка уже несколько дней и закрыта будет неизвестно сколько. Оказывается, это «мафиози», торгующие золотишком, прикрыли государственную скупку. Они всё могут, «мафиози»-то! Приехали. Полнейший тупик.

Зоя стояла на крыльце «Рубина», думала. Её кто-то потянул за рукав кофты:

– Паслушай, карасавица!

Глянула – цыганка, старая, седая, с требовательным бесстыдным взглядом.

– Золата куплю, многа денег дам. Не пажалеешь! Многа-многа денег дам. Прадавай золата!

Зоя инстинктивно отпрянула, вырвала рукав. Она старалась не разговаривать с цыганками, обходила их стороной. Однажды, ещё на первом курсе института, она поехала на выходные домой. У входа на автовокзал её перехватили две цыганки, молодые, улыбчивые, напористые, – закружили, обворожили, чего-то наболтали. Когда Зоя-студенточка пришла в себя, у

неё исчезло уже колечко с пальца и не осталось в кошельке ни копеечки, даже на билет до родимой Тынковки. Пришлось через весь город возвращаться в общежитие, одалживаться у Арины...

Но на сей раз – делать нечего – Зоя переборола себя, поддалась на диалог.

– Я дешево не отдам.

– Ай, не нада дешева! Я дорага дам! – оживилась ещё более старая карга. – Пашли, пашли, карасавица! Я наперёд деньги атдам!

Она повлекла Зою под арку, здесь же, рядом, зыркнула по сторонам.

– Чево у тебя, карасавица?

– Серьги чистые, цепочка и перстенёк с камушком, изумрудом. За всё хочу триста пятьдесят тысяч.

Цыганка заглянула ей в глаза, словно плеснула ворожбы, преувеличенно изумилась, завохтала:

– Ай, ты чево, раскарасавица! Ай, как многа просишь! Триста дам. Всё, чево есть, атдам – триста тысяч!

Зоя торговаться всё же не умела. Да и этого тоже с лихвой хватит. С меньшей лихвой, но хватит и даже ещё останется.

– Ладно, давайте.

Старуха залезла грязной пятернёй в золотых перстнях за пазуху, пошарила в её необъятных закромах, вытащила на свет газетный свёрток.

– Считай, карасавица. Здесь ровна триста.

Зоя развернула обрывок «Московских новостей» – тугая пачка хрустящих тысячерублёвых купюр. Пересчитала – ровненько триста штук, без обмана. Зоя, как деловая, две-три бумажки на свет просмотрела.

Провернув операцию, толстая цыганка упорхнула как мотылёк: раз – и нету. Зоя улыбнулась: вот шустрый народ. На душе её стало чуть легче. Всё, думать и жалеть уже поздно – дело сделано, деньги добыты. Теперь можно слегка и пообедать – время далеко за полдень. Она резонно подумала, что сразу деньги класть в условленное место не след: в их проходном подъезде шпана часто поджигала газеты в почтовых ящиках, вскрывала их. Нет, надо ближе к шести.

Зоя изобрела ушицу из минтая, настрогала огурчиков и зелёного луку на салатик, заварила свежий чай. Попивала в комнате, угнездившись в кресле. Теперь, когда денежная лихорадка кончилась, вязкие мысли снова заполнили голову, угнетали настроение. Кто же это украл Игоря? Зачем? За что такое свалилось на них? Чем прогневили они Бога?..

Сейчас бы помолиться, но не было умения. Хотя своеобразный иконостас в квартире имелся. На средней полке стеллажей к корешкам зелёных с золотом томов Достоевского прислонены маленькие штампованные иконки: Казанская Божия Матерь, Господь Вседержитель, святая мученица Зоя. А сбоку, над телевизором, висело ещё и большое распятие, очень впечатляющее. Его сделал сам Игорь в университетские годы по гравюру Дюрера, когда ненадолго увлёкся резьбой по дереву.

Он вообще в жизни много чего перепробовал: и рисовал, и выпиливал, и выжигал, и лепил, и даже вышивал гладью. Во всём взблёскивал подобием таланта, но терпением его Бог обидел, он быстро угасал, бросал начатое, терял интерес. Распятие так и осталось единственным свидетельством способностей Игоря к искусной резьбе по дереву.

Зоя вспомнила, какая история с этим распятием вышла на свадьбе-новоселье. В новой квартире одним только украшением на голых стенах и был деревянный Иисус Христос на кресте. И вот декан факультета Шурьев – пригласила его Зоя мимоходом, из вежливости, но он таки припёрся, – который за столом всё снисходительно жмурился, благосклонно посматривал вокруг, словно это он выбил квартиру аспирантке, вдруг преобразился. Он перестал оглажи-

вать свои усы, бородку и лысину а-ля Владимир Ильич, осовелые глаза его округлились, он икнул и побледнел, уставившись в одну точку. Что случилось: отравился? Подавился? Уж Зоя кинулась было к соседям – звонить в «скорую», но тут товарищ декан оклемался малость, ком в горле сглотнул и приказал Зое: пойдёте на кухню – архиважный разговор.

На кухне Щурьев, побагровев, зашипел:

– Как вам не стыдно! Ведь вы член партбюро факультета! Вы позорите звание коммуниста! Если не снимете это религиозное безобразие со стены, ваше персональное дело будем рассматривать на партсобрании!..

Зоя в очередной раз прокляла тот хмурый день, когда колхозный парторг в родной Тынковке предложил ей вступить в ряды борцов за светлое будущее человечества, и она сдуру, по малолетству и комсомольской восторженности, согласилась. Однако на сей раз она именно как истая коммунистка натиск начальства выдержала стойко: распятие, дескать, повесил муж – он снять не позволит. Щурьев на дыбы: мол, в парторганизацию мужа сообщит... И был ужасно фраппирован, узнав, что Игорь Половишин не имеет к ленинской благородной партии ровно никакого отношения. Тогда разгневанный донельзя декан тут же резко распрощался со всеми, удалился и потом долго ещё мотал Зое нервы на кулак, что он преталантливо умел делать, вызывая её через день да каждый день на атеистические беседы...

Каково же было изумление Зои, когда уже в новые времена в областной газете она прочитала статью Щурьева, в которой наткнулась на фразу: «Как глубоко и мудро сказано в Евангелии от Матфея...» Боже мой, да неужто так замечательно скоро и так на диво кардинально можно перестроиться? Вот фарисей так фарисей! И сколько их таких вызрело, развелось в многострадальной стране!.. Щурьев даже, что было совсем смешно и гнусно, истребил свои ленинские усы и бородку, и Зоя не удивилась бы, увидев в начале пресловутой перестройки на лысом надлобье своего начальника характерное тёмное пятно...

За окном звучно, как выстрел, хлопнула дверца машины. Зоя вздрогнула, очнулась. Вот нашла о чём думать! Она взглянула – четыре часа. Так, пора приготовиться. Надо все деньги рассортировать, отсчитать выкупные да Нине сразу три тысячи вернуть. Зоя вынула из серванта прежние двести восемнадцать тысяч, положила на журнальный столик, достала из сумочки свёрток в «Московских новостях». Она брезгливо развернула захватанную грязную газетку, поплевала символически на пальцы, сняла верхнюю тысячерублёвку...

И руки у неё задрожали – под ассигнацией зачернел газетный шрифт. Зоя в ужасе распотрошила пачку: между верхней и нижней денежными купюрами была упакована плотная стопка нарезанной по формату газетной бумаги.

Сердце у Зои остановилось.

VII

Игорь сидел на раскладушке, держал на весу перед грудью левую руку, укачивал, словно ребёнка. Под бинтами, набухшими кровью, пульсировала острая игольчатая боль. Кроме боли угнетала и неизвестность времени – он забыл завести часы, они остановились полвторого. Что сейчас – ночь? утро? день?..

Страшное, жуткое, никогда прежде не испытываемое ощущение – в замкнутом пространстве, в плотной тишине, вне времени, наедине с болью... Кошмарнее, может быть, разве что в гробу проснуться от летаргии глубоко под землёй.

– Господи, Господи, – шепчет Игорь, качаясь-кланяясь на раскладушке, – Иисусе Христе, не оставь меня, помоги и укрепи. Спаси меня, Господи!

В голову почему-то лезет: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь... И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого...» – обрывки молитв, слышанных в церкви, куда они с

Зоей в последнее время стали заглядывать при случае. Зоя даже крестилась при входе в храм и во время службы, Игорь же так и не научился пока перекрещивать лба, класть поклоны. А так хотелось сейчас пообщаться со Спасителем, попросить защиты, уверовать в помощь Его.

*Чтоб я воскликнул: «Милый Бог,
Прошу я – успокой!»
И Бог, конечно бы, помог
И дал бы мне покой...*

Игорь сполз-таки с раскладушки, утвердился на коленях. Где тут восток?.. Не разберёшь. На всякий случай отвернулся от винных ящиков и голых фотобаб, обратился в противоположный угол. Перекрестился, стараясь не перепутать – с правого плеча на левое, коснулся лбом пола. Всё было непривычным, неловким, неестественным – театральным. Игорь видел себя как бы со стороны.

– Господи, прости мне все мои прегрешения! Господи, Боже мой, дай возможность исправиться, оправдать свою жизнь, ведь мне всего сорок...

Нет, не то. словно мелкий хулиган упрасивает участкового отпустить его на волю. Игорь поднялся с колен, прилёг на скрипучее ложе, пристроил изувеченную руку попокойнее. А всё равно стало хоть чуть да легче. Э-эх, если б по-настоящему помолиться! Да-а... Проклятое воспитание! И мать, и отец Игоря – оба учителя – сами выросли атеистами и его воспитали твердолобым материалистом. Уже в последние годы Игорь хотел было самостоятельно прийти к вере (особенно Достоевский на это его подвигал), но пока не удавалось. Уже здесь, после университета, он делал однажды телеинтервью с епископом Парфением. Как раз праздновалось тысячелетие крещения Руси и впервые было дозволено комначальством пообщаться журналистам со служителями культа. Когда съёмки интервью закончились, Игорь решился-таки на то, о чём давно мечтал – попросил: помогите, ваше преосвященство, приобрести Библию. Владыка вроде даже и с охотой пообещал: кончатся торжества – позвоните...

Потом Игорь звонил и раз, и пять, но, увы, слово владыки оказалось мало весомым. А потом Библия появилась в «Букинисте», Игорь купил сразу же за большие деньги. И... Сейчас Библия стоит на книжной полке, закладка так и осталась на середине пути, на 737-й странице, где начинается книга притчей Соломоновых. Опять, как и во многом, не хватило у Игоря запала, не достало пороха. Так и остался он наедине с этим безумным, полным случайностей, миром...

Игорь, видно, задремал, потому что испугался, вздрогнул от шума – скрипнула входная дверца. Он приподнялся, взгляделся, тревожно шурясь, – Вадим. Слава Богу! Парень спустился, в руках – два толстых бутерброда с копчёной колбасой, помидорина, пепси.

– Который час?

– Половина седьмого утра. Мы сейчас уезжаем. Не забудьте, что я вам сказал. Останется одна старуха, но она глуха, нема и полуслепая. Пса я надёжно зацепил. Так что не бойтесь.

Игорь торопливо завёл-поставил часы, выпил залпом тонизирующий напиток. Есть совершенно не хотелось, хотя подкрепиться перед решающим моментом не мешало бы. Теперь или пан или пропал. Вадим вывел его, опять в мешке, во двор. Моросил мелкий дождишко, на улице, чувствовалось, – хмурость, неуют. Возвращаясь в бункер, Игорь впервые обратил внимание – дверца в него запирается на железную задвижку. Значит, поэт должен забыть её задвинуть. Успел кинуть взгляд и на гаражные ворота – они были заклинены поперёк железной трубой.

Для страховки Игорь решил выждать ровно час. Он завёл в своём «Полёте» будильничек, поставил звонок на восемь. Послonyaлся по подземелью, остановился у коробок: может, взбодриться?.. Ну уж нет! Его почкам отбитым только яда сейчас и не хватает. Игорь прошёл

от нечего делать к голотелой экспозиции, поразглядывал. Чего здесь только не было: изящная реклама-календарь фильма «Эммануэль» с полуобнажённой обаяшкой Сильвией Кристель, репродукции с картин «Спящая Венера» Джорджоне и «Русская Венера» Ильи Глазунова, а рядом – грязнейшие плакаты-кадры из крутых порнушек типа «Срамные губы» и «Фаллос-убийца», с раскоряченными, расщеперенными сиськастыми существами, имеющими к женскому полу отношение весьма косвенное.

Игорь закрыл глаза, вспомнил Арину, последний их миг, позавчерашний, когда прощались. Он уже оделся в полумраке – горел только ночник над кроватью, – Арина встала проводить. Игорь страшно любил этот момент: присел на корточки, снизу вверх смотрел с наслаждением, как из пены одеяла появляется, открывается взору изумительно плавное тело любимой. Арина, преодолевая остатний стыд – она и любила открывать себя горячему взгляду Игоря и одновременно странно, совсем по-девичьи, ещё стыдилась, – на несколько секунд застывала статуей, жарко и ласково шепча:

– Не надо на меня смотреть...

Потом тянулась за халатом, накидывала на плечи, а Игорь, продлевая томительный миг, обхватывал её колени руками, не давал полам халата сомкнуться и – целовал, целовал, целовал ненасытно.

– О-о, не надо, хватит, – пристанывала Арина, – тебе уже надо идти...

А сама, обхватив голову Игоря нервными тонкими пальцами, ещё сильнее прижимала его лицо к своему телу...

Зажужжал шмелем на руке «Полёт». Всё. Игорь встрепенулся, мотнул головой, отгоняя расслабляющие волю картинки, пружинисто, оберегая левую руку, поднялся по лестнице. На двери, обитой фанерой, ручки нет. Игорь кончиками пальцев здоровой руки поддел дверцу снизу, чуть приподнял, потянул – открылась. Он хотел прихлопнуть её за спиной, но понял, что очутится в крошечной тьме. Щит дощатый над смотровой ямой оказался громоздким – пришлось помогать правой руке и головой.

В гараже тоже царил мрак, лишь снизу, из ямы, чуть подсвечивало да виднелись кое-где щели-ниточки вокруг ворот. Игорь на цыпочках подкрался, начал осторожно проворачивать, двигать трубу-запор. Она по краям входила в кольца, а посередине лежала в крюках-скобах, намертво фиксируя половинки ворот. Игорь вывернул-вытащил из правого кольца конец трубы, вынес-приподнял её из крюков, подставляя плечо, вынул и из второго кольца, опустился на колени и бесшумно пристроил трубу на полу гаража.

Только бы не закрипели петли ворот! Игорь всё время помнил о злобном Пирате – чем позже он почует беглеца, тем лучше. Игорь слегка разъединил створки, сощурился на хлынувший в щель дневной свет, проморгался, утёр навернувшиеся слёзы, выглянул. Прямо перед гаражом, метрах в двадцати, через поросший травой-муравой двор – ворота. Кругом – глухой высокий забор, поверху – колючка в два ряда. Справа во дворе – дом, каменный, с мезонином. Рядом с крыльцом – будка, сидит на цепи громадная овчарка, чёрная, с белесыми подпалинами. Её локаторы-треугольники нацелены на гараж: наклоняет голову вправо-влево, вслушивается, тварь. Игорь пригляделся: от забора у будки до столба ворот тянется проволока, кольцо собачьей цепи на ней. Не сорвалась бы собаченция.

Однако всё, мандражировать некогда. Значит так: через забор не перемахнуть – на колючке повиснешь. Остаётся только через ворота перепрыгивать... Впрочем, что за глупости! Ведь калитка должна изнутри открываться. Только вот как? А-а, ладно, как говаривал Наполеон, надо ввязаться в бой, а там посмотрим. Игорь заглотнул три обширные порции воздуха, словно перед нырком в воду, оттолкнул створку гаражных ворот и выскочил во двор.

И в ту же секунду зверь вскрипел, взвился, натянул струной цепь, танцуя на задних лапах, бешено загребая пространство передними. И одновременно, в тот же миг – Игорь всё это ухватил на бегу, боковым зрением – на крыльце нарисовалась горбатая старуха с ведром в руке.

Она, глянув с ужасом на беглеца, выпустила ведро, плеская помой, завывла-замычала, протягивая к нему скрюченные пальцы, словно пытаясь ухватить.

Игорь подскочил к выходу, вцепился в щеколду калитки, поднял её, но тут же увидел, что перекаладина-запор ворот перекрывает краем и калитку. Он попытался сдвинуть толстую жердь, но сил не хватило. На улице весело кричали-гомонили спешащие мимо ребяташки. И тут сзади сквозь визг и хрип пса раздался звеняще-скользящий звук. Игорь глянул – зверюга с кровавой пастью, звеня кольцом по проволоке, мчалась к нему. Игорь в последнюю секунду в невероятном прыжке нырнул влево от ворот, в угол двора, за развесистый куст черёмухи. Он вжался спиной в доски забора, зверь с маху наскочил на куст – во все стороны полетели клочья листьев и зеленый горох ягод. Но цепь уже кончилась. Игорь, всегда любивший собак и кошек, никогда не бивший *братьев наших меньших по голове*, с бессильной ненавистью смотрел на бешеного пса и представлял, с каким наслаждением раскроил бы ему череп топором.

Подковыляла баба-яга. Она, пугая бельмом на левом глазу, чёрным единственным клыком и железной острой клюкой, замычала, замахала руками-костями, приказывая: *пробирайся вдоль забора к гаражу*. Игорь ещё с минуту постоял в углу, прощаясь с *этим сладким словом «свобода»*, и поплёлся своими ногами обратно в плен, хоронясь за кустами сирени и черёмухи. Мелькнула мысль: не подловить ли старую в гараже?.. Но ведьма прихлопнула за ним стальные ворота и, слышно, вдела замок в дужки. Да и овчарка фашистская бегала теперь свободно по проволоке. Всё – готовьтесь к финишу.

Игорь вернулся в подполье, устроился на раскладушке. Страшная апатия охватила всё существо его. Опять пощекотала нервы мысль: не выпить ли?.. Он даже встал, подошёл к коньячным ящикам, даже бутыль-гранату уже достал, но, сплюнув, бросил её обратно в ячейку, захлопнул крышку коробки. Нет, и так в животе всё горит. Да и если уж суждено сегодня жизнь закончить, то – трезвым. Хотя последние мгновения побыть самим собой...

О смерти он думал пока как-то посторонне, как бы не всерьёз, однако ж предчувствовал-предугадывал, что ближе к окончательному сроку, к шести часам, суждено ему покрываться холодным потом и корчиться от страха. Господи, только б внешне выдержать тон, только б не впасть в истерику!..

Он долго лежал и, ныряя из полудрёмы в полуявь, всё путешествовал и путешествовал в прошлое, исследовал свою жизнь, словно бы подводил итоги. И что же? Жил, жил, сорок лет отмахал – даже по самым оптимистичным надеждам уже полжизни, – а всё ещё как бы только собирается, только готовится жить. Ничего прочного позади, ничего определённого впереди. А последние пять лет и вовсе непроглядный туман. Годы эти остались-сохранились в памяти обрывками, фрагментами, постыдными нелепыми происшествиями.

* * *

Однажды, например, загребли его в вытрезвитель.

Сержант, здоровенный, наглый, тычками загнал его, пьяненького, беспомощного, в одних трусах, в *комнату отдыха*, где валялись по продавленным заблёванным койкам с десяток хмельных бедолаг, хрипели и храпели. Игорь хорохорился, кричал тупорылому сержанту-мусору: мол, это – нарушение прав человека. А наспиртованное сердце вибрировало. Но тут, на счастье Игоря, вернулся с ужина дежурный лейтенант, поглядел вещи новенького, узрел удостоверение журналиста, тут же приказал одеть-обуть его и отвезти на милицейском уазике до хаты. Уважал, видно, прессу!

Вообще, самое страшное в алкоголе то, что он растворяет осторожность в организме человека, подставляет его под удары. И в переносном, и в прямом смыслах.

В том же «Кабане» прошлым летом сидел Игорь тихо в углу, попивал уже лишние порции фирменного «кабанского» помойного вина. И вдруг втемяшилось ему в пьяную башку,

что молодые ребята за соседним столиком слишком громко и чересчур примитивно лаются матом. Он ничтоже сумняшеся встал, подошёл, покачиваясь, сурово сделал замечание: мол, нехорошо себя ведёте, молодые люди. Строительство кафе-бара тогда ещё не закончилось, кругом валялись стройматериалы. Один из этих пацанчиков подхватил арматурный ребристый прут и молча ахнул Игоря по дурной голове. Хорошо, что вскользь – снял лишь кусок скальпа да сотряс мозги. Восемь дней Игорь валялся после этого в больнице, полтора месяца ходил на перевязки, и теперь на всю оставшуюся жизнь у него будет просверкивать на голове проплешина с пятак, словно он неосторожно проболел стригущим лишаём. И ведь ударь подсвинок чуть потвёрже, поувереннее – тут же бы Игорю и карачун пришёл. Это же был знак. Это – предупреждение свыше было: уймись, остановись. И что? Не внял, сделал вид, что не понял...

А и как тоже в этой самой личной жизни подзапутался... Ну ведь ясно же, как Божий день, – с Ариной вместе им не быть, никогда. Ну и остыть бы, откатнуться... Но ведь и с Зоей ничего теперь не склеишь, всё уже позади. Живут они как плохие друзья-приятели, всё время в ссорах и раздорах. И мирит их вовсе не постель, хотя и спят вынужденно на одном ложе, а просто усталость от злобы, желание тишины и покоя. Как женщина Зоя давно уже Игоря не привлекала, её зыбкие мягкие прелести оставляли его совершенно импотентным. Всё реже и реже, лишь по пьяному настроению, он исполнял супружеские обязанности, закрыв при этом глаза и воображая в своих объятиях Арину.

Он хмыкнул, вспомнив недавний случай. В воскресенье, по поздней весне, опохмелившись с утра, Игорь наотрез отказался ехать на дачный участок – перекапывать грядки. Зоя отправилась, автобусом и через речку паромом. Обыкновенно же, вдвоём, они добирались до своей фазенды на велосипедах кружной дорогой через мост. И вот, от горла попив в тот день всякой дряни – и пива, и винца, и водочки, – Игорь вечером балдел у телеящика. Уже смеркалось. Что за чертовщина! Паром ходил до девяти вечера, а уже натикало десять...

В половине одиннадцатого Игорь не выдержал, вытащил с лоджии велосипед, помчался через ночной лес на участок. В тяжёлой гудящей голове ворочались мрачные мысли: чёрт его знает, что могло случиться – может, сердце прихватило. Лежит теперь одна-одинёшенька в вагончике и уже похолодела... Но, по привычке, Игорь надеялся на лучший вариант: Зоя уже в городе, просто зашла на обратном пути к какой-нибудь знакомой, да и заболталась.

Он подкатил к своему клинышку земли уже полной ночью, приблизился к вагончику, и дыхание у него спёрло – дверца была прикрыта, но не замкнута. Он бросил велосипед, вбежал по крутой лесенке, распахнул дверь, нашарил справа, на полочке, в коридоре коробок спичек и одновременно вскрикнул суматошно:

– Зоя!!! Зоя, ты здесь?!

Послышался шум во тьме вагончика, восклицания. Игорь наконец запалил спичку, и тут же на свет из жилого отсека высунулось потерянное пьяное лицо соседа по даче Лёши. Он был в одних плавках. Лёша нелепо развёл руками, поднял плечи, пробормотал:

– Извини... Виноват... Так получилось... Я ухожу.

Игорь, выпучив глаза, ошарашено смотрел на него, молча посторонился, пропуская. Он не знал, что делать, как себя вести. Лишь потом, чиркнув другую спичку и увидев в глубине вагончика напяливающую на себя одежды супругу, тоже непривычно поддатую, незнакомую, он вдруг зареготал, заржал, сгибаясь в пояс, начал притоптывать ногами и приставывать:

– Ой, не могу! Ой, мамочки мои, сейчас помру!..

А Зоя кричала слезливо и пьяно: мол, сам виноват, мол, это она назло ему, Игорю...

Позже он пёр, надрываясь, увесистую свою благоверную на раме велосипеда ночной дорогой *нах хаус*, изводил насмешками. И знал, что будет изводить теперь очень и очень долго – до того смотрелась нелепо толстая, хронически фригидная, да ещё и влюблённая в него, в мужа, Зоя в роли изменницы, в роли чужой любовницы.

По правде говоря, Игорь шутил-кобенился чуть через силу, с неохотой – всё же корябнуло по сердцу: как бы там ни было, а рога носить любому мужику чести мало. Но, с другой стороны, Игорь сразу почувствовал, как с души его свалилась громадная глыба вины перед женой за Арину. А вина эта висела, гнула, мешала полностью считать себя счастливым.

Теперь же – всё позволено!..

* * *

Всё?.. Хотя, ладно: если сегодня жизнь кончится – то и думать нечего. (Игорю самому как-то отстранёно, извне, нравилось, как хладнокровно он размышляет о скорой своей неминуемой смерти.) Трагическая кончина всё спишет. Всю его несуразную жизнь оправдает...

А вдруг он выкарабкается? Что если ещё не *финита ля комедия*?.. Как быть, если это только новое предупреждение свыше, последнее, грозное? И впереди ещё – двадцать! тридцать! сорок лет!.. Конечно, первым делом – не пить. Хватит, отпил своё. Нутро всё сгорело-сгнило, мозги, он чувствует, всё сильнее разжижаются, можно и вообще одевилиться. Да и теоретически Игорь давно уже осознал, и не только в больно-похмельном состоянии: спиртное ничему не помогает, не делает жизнь беззаботнее, не успокаивает душу. Наоборот.

Нет, всё: не пить и – работать, пахать и пахать.

Сделать книгу. Устроиться хотя бы в газету корреспондентом... Ремонт вон в квартире пора начинать... Да и личную эту самую жизнь пора окрасить... Эх, Игорь, Игорь – Игорь Александрович! Ведь все молодые годы свои читал журнал «Юность», питался её рафинированной молодёжной прозой, призывающей безжалостно бросать запутанное прошлое и настоящее, мчаться в неведомые дали, на новые места, начинать новый отсчёт судьбы. Да и правда – это самый лучший выход: собрать чемоданишко и махнуть куда-нибудь в Сибирь, в районную газетку где-нибудь в тайге, вдохнуть свежего воздуха, омолодиться душой и телом. Грызть кедровые орешки, ходить на медвежью охоту, влюбиться в дочку лесника – в какую-нибудь Олесю...

Игорь мечтал, но помнил в глубине сознания, что мечтает и что вряд ли решится на такой подвиг. А вот более реально: убедить себя всерьёз и по-настоящему, что с Ариной всё кончено, что они никогда не соединятся, что образ её со временем потускнеет, голос сотрётся в его памяти, запах забудется, и будет лишь теплая лёгкая грусть просыпаться в душе при случайном воспоминании об Арине. Благодарная грусть, такая же сладкая, как при воспоминаниях о Гале, Лиде, Маше, Лене и ещё двух-трёх девочках, девушках и женщинах, которых в своё время Игорь любил счастливо, всерьёз, и, расставаясь с ними, думал, что не переживёт этого...

Пережил.

Итак, заглушить поскорее тягу к Арине, вернуться в семью, попробовать склеить разбитые отношения, пожалеть Зою. Глядишь, и всё вернётся на круги своя: они с женой доживут свой век мирно, в согласии, спокойно, пусть без бурных чувств, но в крепкой супружеской дружбе... Мало ли таких семей!

Эти благочестивые постные мысли упаковали мозг, утянули-погрузили Игоря в тёмный омут сна. Ему снился щекотный, греховный, тревожно-стыдный сон. Будто лежат они с Зоей на своём родимом раскладном диванчике, на белоснежных простынях, – голые, ласковые, только что испытывавшие радость сближения. И тут Игорь видит: здесь же, в комнате, на раскладушке лежит, укрывшись, Арина и с тоской, со слезами смотрит в их сторону. У Игоря сжалось сердце, но он боится, что жена заметит его интерес к Арине. Вдруг Зоя приподымается, машет Арине рукой, зовёт: иди, иди к нам, не бойся! Та встала, тоже обнажённая, прикрывая руками груди с нежными совсем детскими сосками и пуховый треугольничек внизу живота, скользнула к ним под одеяло, прижалась к Игорю, затамила горячим телом...

– А?! – Игорь привскочил от прикосновения к плечу.

Над ними склонился поэт.

– Вставайте, зовут обедать.

Игорь протёр глаза, сел, надел очки, глянул на часы – пять пополудни. Криво усмехнулся:

– Что, в этой конторе перед смертью ещё и кормят?

Вадим грустно на него глядел.

– Как же это вы не сбежали, а? Такой шанс был.

Игорь безнадёжно махнул рукой: чего уж теперь языком бить.

В гараже было пусто. Игорь подошёл к раковине в углу, сполоснул студёной водой руки, лицо, прополоскал зубы, потёр их пальцем – совсем его в свинью здесь превратили. Вадим повёл его к гаражной двери, распахнул её. Ну да, конечно, что ж теперь глаза заматывать, коли пленник уже двор видал. Был солнечный тихий вечер. Тварь цепная сверкала злобным взглядом из будки, высовывалась, но Вадим окриками загонял её обратно. Игорь, проходя мимо «Мерседеса», заглянул в зеркальце: мама моя – бомж бомжем. Пригладил слегка волосы. Вдруг повернулся к поэту:

– А сейчас нельзя? Только б на улицу выскочить...

Вадим покачал головой, кивнул на дом. Из окна веранды на них пристально смотрел жирный.

Поднялись на крыльцо, вошли в дом, скинули туфли у порога, ступили в просторную комнату. Вся банда была в сборе. Даже старуха-ведьма то и дело шаркала из кухни, добавляла к уставленному столу новые тарелки и чашки. Обстановка в доме стандартная, но ценная: сервант с бронзовым декором, стол и стулья с гнутыми ножками, телевизор «Тошиба», видик, музыкальная горка «Мэйд ин...», ковры на полу, на двух стенах, занавеси на окнах из странного, тёмно-синего, тюля в крупную клетку, словно решётки. Окна выходят во двор.

Все уже сидели за обширным столом. Посередине горел, без очков, без пиджака, в белой рубашке. По бокам от него – братец с сестрой, трезвые, скучные, с отвислыми губами. Два стула – свободны. К трапезе ещё не приступали.

– Э, прахади, дарагой. Пращальный абэд кушат будэм.

Слово «прощальный» прозвучало зловеще, двусмысленно. Игорь хотел отказаться, но, как всегда, когда организм переборол-пережил похмелье, в животе кишки пищали от голода. Игорь вслед за поэтом сел, пододвинулся вместе со стулом к пиршественному столу. Сглотнул слюнки – икра чёрная и красная, салат из помидоров, огурцов и лука, селёдка в натуральном виде и селёдка под шубой, ещё какие-то диковинные разноцветные салаты, куриные ножки, холодец, сало солёное, буженина, грибы маринованные, сервелат, сыр, прозрачные пластики осетрины, шпроты в баночке, а в центре стола дымился в громадном блюде цельный поросёнок, обложенный жареным картофелем и обсыпанный щедро зеленью. На маленьком столике рядом с Лорой дожидались своего часа напитки – две бутылки «Плиски», две «Чио-Чио-Сан» и штук десять пепси-колы.

– Э, Лора, дэвачка, налэй дарагому госту, – бодро сказал Карим и чувственно потрепал сную бандитку по щеке.

Он вообще, видно было, находился в добром расположении духа, был необычно говорлив, тёмные масляные глаза его томно шурились. Вероятно – дела в этом городе провернул как надо.

– А ты, Вита, налажи дарагому госту закусит, паухаживай, – и бородач потрепал жирного по мясистой щеке так же чувственно, как до этого деваху.

– Мне – пепси, – сказал твёрдо Игорь.

– Э, что так? Абижаешь.

– Мне – только пепси, – повторил упрямо Игорь. – Я не пью.

– Хо! – оживился хряк, тряхнул косицей. – Во, пидор! С каких же это пор?

– Со вчерашнего дня, – спокойно, глядя в его свиные глазки, ответил Игорь. – Кстати, и тебе очень и очень даже не советую пить.

– Это ещё почему? Чего ты?

– А то! Видишь ли, любезный, не хотел тебя пугать, но уж так и быть. Я в медицине кой-чего понимаю, Витя. Погляди внимательнее в зеркало на белки своих глаз, на цвет кожи лица, изучи белые пятнышки на ногтях. У тебя, Витёк, цирроз печени и в очень запущенном состоянии. Так что, голубчик, меня ты не надолго переживёшь – осталось тебе месяца два, от силы три. Мужайся, дарагой, готовься.

Игорь говорил уверенно, убедительно. Педерастик осел на стуле, обмяк, приоткрыл срамной свой рот, даже посерел лицом. Он то взглядывал на ногти, но на зловещего прорицателя. Быстро глянул на хозяина, поэта, сестру – те на помощь не спешили. Но всё же шеф вступился-таки:

– Э, нэ слушай, нэ вэрь. Наш гост шутит.

– Я не шучу, – ещё серьёзнее, от ненависти обретя в себе актёрский дар, добил борова Игорь. – Я вижу: у него смертельная болезнь в последней стадии – страшнее рака.

– Ну, пидор, ты у меня щас сам раком встанешь! – вскочил взъярившийся от страха Толстый. – Ты у меня раньше сдохнешь, прямо щас!

Игорь отпрянул невольно, но горец перехватил кабана за ремень, удержал.

– Э, нэ нада празднык портит. Гаварю – нэ вэрь: он пазлит тэбя хочет. Правда?

Игорь на сей раз смолчал, зато Лора добавила:

– Ну и дурак же ты убогий, братан! Глянь, и правда, в зеркало – твою морду в три дня не обоссешь. С такой ряхой скоро не помирают – уймись. У кого печень гнилая – крючками ходят. Я уж знаю.

«Вот в ней-то, видно, рачок и поживает», – подумал невольно Игорь, глядя на её кости. Он, устав давиться слюной, бросил перепалку, молча наворотил в свою тарелку салатов, колбасы, осетрины, намазал ломоть хлеба чёрной икрой – вцепился зубами.

– Э, Игарь Александрович, пыть и в самом дэлэ нэ будэшь?

– Нет.

– А вдруг эта – в самый паслэдный раз? – в добродушном тоне Карима звякнула жестокая издёвка.

Игорь пожевал кусок осетрины, задумчиво посмотрел в нерусские глаза, обретя вдруг устойчивость, странное спокойствие.

– Скажите, мне вот что интересно. Ну, предположим, моя жена наскребёт выкуп, и вы меня отпустите. А почему вы не боитесь, что я сразу побегу в милицию?

Черномазый выпил с наслаждением рюмку коньяка, укусил кусочек сервелата, снисходительно посмотрел на пленника.

– Э, дарагой, савсэм глупо. Спросат: гдэ этат дом – что скажешь? Гдэ эты людэ – чэго атвэтышь? Мы завтра знаешь гдэ будэм? Мэнты тэбя жэ и затаскают, заставят сказать: сам палэц атрубил, случайна.

Игорь понимал – горец прав. Вспомнил: когда голову ему разбили, больница, против его воли, сообщила о травме в милицию – так у них положено. Игорь прискакавшему лейтенантику рассказал всё как было, но и заявил: лиц пьяных акселератов не рассмотрел, не запомнил, так что искать их бесполезно, и он от услуг милиции отказывается. Но не тут-то было. Мусорок сразу в открытую попросил-потребовал: мол, напишем в протоколе, что-де Игорь сам упал и голову себе раскроил. Игорь, само собой, заартачился: с какой такой стати? Так ему потом нервы выматывали, житья не давали и в больнице каждодневными визитами, затем вызывать начали в отделение чуть не через день: то опознавать алкашей задержанных, то на доверительную беседу к начальнику РОВД. Шастал энергичный оперуполномоченный и домой во всякое неурочное время, топтал ботинками ковёр. Одним словом, через два месяца измотанный Игорь

написал своей рукой «признание»: сам, дескать, упал, сам чуть себя не уколошил. Довольный победой белокрысы мент от всей души сказал ему спасибо – процент нераскрытых преступлений в районе сразу снизился...

– А эслы прыдётся тэбя таго, – продолжал кавказец, выразительно прищёлкнув волосатыми пальцами, – тагда вабще канцы в воду. Вэрнэе – в кислоту. Эст такая цыстэрна в адном глухом мэстэ – с сэрнай кислотой. Чэрэз палчасу ат трупа ны кусочка, всё исчезает бэз слэда.

Сердце у Игоря глухо и больно забилося, в голову вскочило душещипательное: «И никто не узнает, где могилка моя...» Аппетит сразу атрофировался. Он бросил нож и вилку, набулькал себе пепси полный фужер, выглотал. Хотел попросить «Плиски», но уже было западло, невозможно. Не пил и Вадим, ел молча. Лора же с братцем всё подливали и подливали себе, хлебали то коньяк, то вермут, на глазах воспалялись. Правда, мастодонт всё ещё супился, злобно косился на Игоря.

Вдруг Карим поднёс к глазам свои золотые, посмотрел и на кукушку настенную, кивнул Вадиму. Тот встал, ободряюще притронулся к плечу Игоря, вышел. Игорь понял – наступила финальная часть зловещего шоу. «Господи, помоги и укрепи! Господи, избави и помилуй! Господи, я буду жить чисто, я буду в церковь ходить! Господи, я свечки каждый, каждый день ставить буду! Господи, я совсем, совсем по-другому жить буду!...»

– Э, Лора, дэвачка, пара рэшат. Эсли дэнэгнэ будэт — атпустим, а?

– Ну уж нетушки! – пьяно загнусавила девушка-палачка. – Я этого убогого сама лично показню – собственноручно. Чего ему бесполезно свет белый коптить?

Она залихватски хлопнула Игоря по плечу.

– Не дрейфь, убогий, я, так и быть, мучить не будут: чик и – готово.

И она засмеялась похабным пьяным смехом.

– И я помогу, – добавил жирный. – Я тебе, пидор, покажу печень! Я вот на твою печень спервоначала гляну, в натуре!

Игорь, стиснув зубы и сжав до онемения правую руку в кулак, решил теперь молчать до конца. Снова во всём теле всколыхнулась боль – в потерянном мизинце, в животе, раскалывалась и голова. В глаза будто песок попал, хорошо, что слёз за очками не видно. Карим оставил его на время, занялся едой. Подналегли на закуску и шакал с шакалихой.

Вдруг из открытого окна донеслись гудки машины. Так быстро?! Было четверть седьмого. Старуха, по знаку горца, шустро метнулась во двор. Сердце у Игоря стукнуло, подскочило к горлу. Он хотел удержаться, не оборачиваться, но тело против воли перекрутилось, развернулось к двери.

Лицо вбежавшего Вадима сияло. В руке он держал бумажный свёрток с тесёмочкой крест-накрест. Поэт, на ходу торкнув опять Игоря в плечо, подскочил к шефу, отдал пакет. Тот взял столовый нож, поддел капроновую перевязку, развернул обёртку.

– Э! Гаварил – савсэм бэдный, а жэна за нэго валютай платит.

Игорь вскочил, оторопело уставился: среди российских радужных бумажек выделялась пачечка бледно-зелёных дойчмарок.

– Фью-ю-ю! – присвистнула Лора, глаза её сузились, она алчно глянула на Игоря. – Вот теперь мы его подоим всерьёз!

Игорь ещё не понимая, тупо смотрел на неё.

VIII

Зоя сломалась, поддалась истерике – рыдала, каталась по полу, била кулаками по ковру, сама себя припечатывала:

– Овца! Овца безмозглая!

Что? Что теперь? Куда? Она в горячах хотела было бежать ловить подлую цыганку... Потом решила: всё – в милицию... А может, быстренько «Горизонт» цветной или красавец «Полюс» продать? Да кто ж теперь – уж половина пятого – купит? Рынок уже затих – на улице покупателя ловить?..

Ох, уже ведь половина пятого!..

И вдруг Зоя успокоилась. Села на оставшемся своём последнем синтетическом ковре, вытянула свои бедные разбухшие ноженьки, вытерла кулаками слёзы, сморкнулась в платочек, ещё пару раз всхлипнула. Решено! В подсознании эта подсказка пульсировала уже целый день. Зоя стряхнула с себя слюняйство, поднялась, сняла трубку телефона! Боже! В трубке – ступень тишины: опять барахлит. Она швырнула трубку, подскочила к серванту: чуть припудрилась, чуть духами мазнула. По-солдатски споро переоделась в привычные юбку и кофту. Схватила сумочку, проверила, есть ли талоны на троллейбус, деньги в кошельке. Выкупные тысячи сунула пока в сервант. Уже от двери, от порога, охнув, метнулась назад, вынула из морозилки целлофановый свёрток, прихватила и письмо Игоря. Не доверяя лифту, бегом пересчитала ступеньки с пятого этажа, рысью помчалась на остановку...

На звонок – длинный, настойчивый – дверь приоткрыла старушка, сухонькая, с голубыми сединами. Зоя в недоумении даже отступила, сверила номер квартиры, но тут же, узнав глаза, догадалась – бабушка-полька.

– Здравствуйте. Мне – Арину.

Бабуся, недоверчиво вглядываясь во взволнованную гостью, неодобрительно покачала головой:

– Ах, как не вовремя, как не вовремя – уж простите меня, сударыня. Ариночка – в ванной. Только-только воду напустила...

– Мне очень, очень надо, я подожду, – зачастила Зоя и, для напора, добавила: – Я подруга Арины – Зоя. Мы с ней вместе в общежитии жили, в институте. Разве она вам не рассказывала?

Старушка, как бы припоминая, как бы заглядывая в глубь времени, в свою память, закивала медленно головой, сняла цепочку, впустила. И тут же из глубины квартиры раздался детский плач.

– Сейчас, Полюшка, сейчас, милая! – сделала стойку бабуля и показала рукой Зое. – Проходите, сударыня, проходите вон туда.

Но Зоя, вместо того чтобы чинно пройти в комнату, скинула туфли и на цыпочках прокралась по коридору. В ванной плескалась вода. Арина тихонечко мурлыкала-напевала что-то беззаботное вроде: «Любовь нечаянно нагрянет...» Зоя тихо постучала.

– Ну бабушка! – капризно захныкала Арина. – Дай мне спокойно помыться, я вся – в пене. Что там у тебя?

– Арина! – окликнула хрипло Зоя и ещё раз постучала. – Открой. Очень срочное дело.

– Кто это? Кто?

Слышно было, как Арина встаёт, выбирается из ванны, снимает халат с крючка на двери. Зоя отступила на шаг, дала себя увидеть встревоженному глазу бывшей подруги – та выглядывала сквозь узкую щель, словно боялась увидеть грабителя. Наконец, отпустила дверь.

– Зоя... Михайловна?!

Зоя не стала терять времени. Тесня Арину обратно, шагнула вслед, в парной закуток, прикрыла дверь, щелкнула шпингалетом.

– Арина, с Игорем – беда!

Арина, уже уравновесившись, присела на край розовой ванны, поправила ещё сухие волосы, усмехнулась раздражённо:

– Не надо мне ваших проблем. Я вроде уже сказала: сама разбирайся со своим мужем. Са-ма! Я-то при чём?.. Или ты спектакли разыгрываешь, сцены ревности?

Она в сердцах схватила плавающую в пене розовую губку, отжала, швырнула на край ванны. Полы халата распахнулись. Зоя невольно окинула взглядом её мокрое, розовое, чуть худоватое тело – грудки с аккуратными сосками, подтянутый живот, полные в бедрах, но узкие и изящные в голених ноги... Да-а, красива, ничего не скажешь. И халатик, махровый, розовый, здорово ей идёт... И тут же – в мелкий противовес – злорадное: а в ванной – кавардак, вон на раковине жёлтые потёки... Резко мотнула головой, отгоняя ненужное.

– Арина, ты ж понимаешь, так просто я бы не пришла – я же не совсем чокнулась и стыд потеряла. Игорь влип в историю...

Зоя рассказывала сбивчиво, перескакивала, но главную суть худо-бедно разъяснила. Показала письмо про отбитые почки. Развернула, наконец, свёрток с запёкшейся кровью, сунула Арине под нос, специально поглубже, пострашнее – жёлто-восковой обрубочек с поспевшим ногтем. Арина вплоть до последнего момента слушала с кривой усмешечкой, а тут вскрикнула, отшатнулась, чуть не опрокинулась в шампунную пену. Дальше слушала, сдвинув брови. Вдруг – стук в дверь.

– Арина, Ариночка, у тебя там всё в порядке?

– Да, бабушка, да. Не волнуйся.

Арина вскочила, перехватила халатик в талии пояском, недоуменно осмотрелась.

– А чего это мы здесь-то сидим? – она распахнула дверь в прохладу коридора. – Проходи в большую комнату, я – сейчас.

Зоя прошла мимо бабушки, которая своими дворянско-польскими всё ещё загадочными очами продолжала недоверчиво всматриваться в беспокойную гостью. В знакомой комнате, где когда-то они вчетвером отмечали старый Новый год, было по-прежнему заставлено, мрачно и даже в этот жаркий летний день зябко. Царил беспорядок: повсюду валялись детские ползунки, штанишки, женские колготки, юбки, какие-то полотенца. Журнальный столик украшали недопитая чашка кофе и надкушенное яблоко. В углу стояли жёлтый перетянутый ремнями чемодан, туго набитая дорожная сумка и сложенная детская коляска. Диван был разложен, и постель на нём не убрана. У Зои при взгляде на смятые простыни кольнуло сердце, какая-то туманная мерзкая картинка колыхнулась в воображении, но Зоя тут же себя одёрнула: здесь же бабушка, скорей всего, спит... Зоя прошла к креслу, уселась, вытерла платком вспотевшее лицо.

Бум! – похоронно прозвонили один раз большие мрачные часы. Боже, уже четверть шестого! Вошла Арина, неся на блюдечке нарезанный лимон и сахарницу.

– Надо чуть допинга принять, а то сердце колотится.

– Арина, уже нет времени! Совсем. Если в шесть часов денег в ящике не будет...

– Не надо паники! – приказала Арина. Она стала вмиг деловитой, собранной, уверенной, вселяя и в Зою толику успокоения. – Не надо перед всякими бандюгами суетиться. Давай-ка, подруга юности, сначала чуть выпьем. Так, где же наши кружки, чтоб сердцу стало веселей?

Она взяла из серванта два шаровидных медово-жёлтых бокала, чёрную початую бутылку «Наполеона», плеснула по изрядной порции.

– Бери.

Зоя ломаться не стала, да и некогда. Почти залпом выпила, поперхнулась, принялась долго и нудно кашлять. А когда толком прокашлялась, слёзы вытерла, отсморкалась – Арина уже была готова: в светло-коричневых воздушных брючках, жёлтой прозрачной рубашке-кофточке, волнистые волосы с лёгкой рыжинкой свободно падают на плечи, губы и веки слегка подведены.

– Так-так, – всё более деловито формировала ситуацию Арина. – Значит, надо около трёхсот «штук». Ну, «штук» этих самых у меня чуть осталось – думаю, псы эти от валюты вряд ли откажутся, а?

Она вынула из дорожной сумки кожаную сумочку-бумажник, достала германские деньги, просмотрела.

– Ну, крупные денежки мы бандитам не отдадим, не надоим крупные. Вот эти – двадцаточки.

Она отсчитала вслух:

– Раз, два, три, четыре... двадцать две, двадцать три... – остановилась, подумала. – А-а, пускай подавятся!

И добавила ещё две зелёных бумажки. Зоя испугалась, что Арина начнёт вновь их пересчитывать – уже прозвонило, как набат, половину шестого. Но Арина бросила бумажник на чемодан, отсчитанные дойчмарки сунула в свою сумочку, её, в свою очередь, – в большой пакет, туда же на ходу погрузила из серванта объёмистую золотисто-чёрную коробку.

– Побежали. Бабушка, я скоро вернусь. Не забудь Полю в шесть покормить.

Уже на улице Зое вдруг вскочило в голову: а зачем, собственно, она-то, Арина, едет? Дала бы деньги и – всё... Однако думать некогда. Ещё до троллейбусной остановки бежать-прыгать минут пять.

Но Арина тут же склонилась к ближайшему «Москвичу», где за рулём сидел хозяин, плотный багровый мужик.

– Срочно – на Интернациональную.

Тот было замотал головой, однако Арина сунула ему под глаза указательный палец.

– «Штука».

Мужик сразу повеселел, засуетился: да, да, садитесь!..

Свёрток денежный пристроили внутри почтового ящика без трёх минут шесть.

Когда поднялись обратно в квартиру и, тяжело дыша (лифт снова филонил), смотрели друг на дружку в прихожей, Арина посожалела:

– Надо ж было поглядеть – кто забирать будет. Эх мы, кулёмы!

– А я знаю, – спокойно сказала Зоя. – Он уже стоял у подъезда: высокий, светлый, кудрявый. Тот, который и письмо опускал.

– Так что ж ты?! Видела, приметы знаешь – его же поймать можно...

– Да хватит тебе! – махнула рукой Зоя, сбрасывая пыточные туфли. – Вон у меня там «Губернские ведомости» валяются, почитай: середь бела дня на улице убивают человека, десятки свидетелей, а *«милицией ведётся активный поиск преступников, но пока безрезультатно...»* Всё, отдали деньги – будем ждать... Кстати, Арина, ты не думай – мы рассчитаемся, будем частями выплачивать.

– Не надо о деньгах. Игорь мне что – чужой?

Фраза прозвучала странно. Зоя напряглась, отвела взгляд. Арина смешалась, нагнулась, ища в чужом доме тапочки. Нашла под пуфиком. Выпрямилась, подчёркнуто деловито сказала:

– Надо же еду готовить. Думаешь, эти бандюги его там кормили? Наверняка с голоду помирает.

– И правда! Что это я – и не подумала!

Они обе оживились, дружно, рука об руку, как когда-то в общежитской комнате, накрывали на стол, готовились к празднику, переговаривались о том о сём – о пустяках.

Потом сидели в креслах, поглядывали на часы. Стрелки уже и к семи подбирались... Простая и противная мысль червячком заползла в сознание обеих: а где же гарантия, что *те* слово своё сдержат?..

– А ты знаешь, – проговорила Зоя, убеждая, скорей всего, себя, – а у парня этого, кудрявого, вид вполне порядочного человека... Он и на бандита не похож.

Арина, устроившись в кресле с ногами, обхватив колени, сидела понуро, ничего не ответила. Посидели в тишине. Зоя, не глядя на Арину, выдавила, вымучила вопрос:

– Скажи... у вас – продолжается?

Арина, так же уставившись в пространство перед собой, молчала минуту, вторую, заставляя сердце Зои биться всё надрывнее, сильнее, прерывистее.

– Не надо об этом...

Снова – безмолвие.

«Молчи! Молчи! – молила Зоя. – И правда – не надо!»

– Не надо бы... – раздумчиво, медленно, из глубины себя повторила Арина, – но, знаешь, я сегодня, сейчас, поняла...

Взглянула на Зою, встряхнулась.

– Короче, близких людей на свете – мало. Я скрывать не буду: Игорь мне дорог...

– Но ты его любишь? – Зое так и хотелось вывернуть всё наизнанку.

– А ты? – серьёзно, даже с какой-то злостью в тоне спросила Арина. – Ты любишь? Или просто боишься под старость остаться одной?

– Зачем ты? – вздохнула Зоя, не поворачивая головы, всхлипнула. – Я его так люблю, так... Господи, да только б он живой – всё ему прошу!.. И прощать буду!

Арина дотянулась через столик, положила руку на плечо подруги.

– Я ведь уезжаю, Зоя. Насовсем. Так что... Слушай, а нет ли у тебя чего выпить, а? А то ведь мы свинтимся с резьбы. Шампанское, что ли, открыть?

Зоя, сперва недоуменно на неё глянула, вытерла уголки глаз, вздохнула, встала.

– Сейчас.

Она пошарила в шифоньере за полотенцами и наволочками, выловила там стограммовый бутылёк коньяка «Варцixe», грустно-победно показала.

– Вот! Принёс однажды, пьяный, в дипломате штук шесть, я один припрятала – он и не заметил.

Арина взяла бутылочку, как-то странно долго и молча рассматривала её, вертя в руках, потом открыла, разлила по рюмкам. Молча выпили. Разом глянули на часы – четверть восьмого. Лицо Зои начало кривиться, морщиться.

– Не надо! – прикрикнула Арина. – Не надо! Может, они его где-нибудь за сто километров держат, в лесу где-нибудь – пока довезут...

Но Зоя уже не смогла подавить тоскливый тонкий плач-вой, который вдруг всплыл из глубины горла, вырвался наружу. Страшное предчувствие стиснуло душу.

Зоя поняла – сейчас у неё будет разрыв сердца. Арина подскочила к ней, обхватила за плечи, пытаясь зачем-то поднять с кресла.

– Зоя! Зоенька! Что ты?..

И в это время тренькнул звонок.

IX

Ехали совсем недолго.

Боров чересчур усердно укутывал голову Игоря дурацкой сумкой, передавливал горло – отыгрывался напоследок, пёс смердящий. Но вот машина плавно развернулась, успокоилась. Жирный стащил-таки с Игоря сумку, толкнул его мясистым плечом.

– Выкатывайся, пидор! Хватит на «мерсе» раскатывать, сиденья марать!

Игорь поправил очки, охотно выбрался, выпрямил спину. Он очутился на том самом месте, откуда украли-увезли его два дня назад.

– Возьмите, – поэт, приоткрыв дверцу, протягивал ему фотоаппарат.

– Ты чего, дурак! – вскипел мордоворот, кинулся перехватить «Зенит». – Это ж Лорка себе взяла!

– Остынь. Я ей сам куплю, новый, – не оборачиваясь, осадил Вадим.

Игорь взял «Зенит», протянул поэту руку, крепко пожал его шершавую ладонь.

– Спасибо тебе! Если б не ты... Пиши стихи, обязательно пиши. А этих брось – как можно быстрее. И – вставь зубы, до свадьбы вставь: негоже такому парню щербатым ходить. Ну давай, счастливо тебе!

Потом наклонился к задней дверце, к открытому окну, и прямо в рыло пидору вонючему впечатал:

– А ты помни: цирроз – неизлечим. Осталось – два месяца.

Дебил жирный вскинулся было что-то пролаять в ответ, кулаком в лицо достать, но Вадим даванул на акселератор, «Мерседес» рванулся и помчал в сторону вокзала. Игорь глядел ему вслед, пока тот не свернул перед пышным привокзальным фонтаном: так и есть, дом с гаражным бункером затерялся где-то совсем рядом, в лабиринтах улочек и переулков за рельсами.

По уже предвечерней улице дефилировали отдыхающие горожане. Грязный, мятый, всклокоченный, небритый, с кровавым бинтом на руке, Игорь стоял ещё минут пять в центре этого праздника жизни, улыбался во всю мощь своих скул и озирали через улицу дом-громадину, где в маленькой уютной родимой квартире его сейчас ждали горячая ванна, бритва, чистое бельё, жена Зоя, ужин и – покой, покой, покой...

На его звонок, через секунду мельтешения теней в глазке, дверь распахнулась, и тут же Зоя, не дожидаясь, пока он войдёт, бросилась ему на шею, обхватила крепко, прижалась, всхлипнула.

– Игорю-ю-ша!

Игорь в момент заметил, как она похудела, осунулась лицом, похлопал успокаивающе правой ладонью по спине, забормотал:

– Ну-ну, успокойся, родная. Всё уже позади. Я – дома. Не надо. Всё теперь будет хорошо – по-другому. Будем теперь жить и радоваться...

Вдруг он вздрогнул и замер – в проёме комнатной двери, напротив входа, стояла, прислонившись к косяку и сложив руки под грудью, Арина, смотрела на него ласково, с улыбкой...

А потом Игорь отмывался чуть не в кипятке, барахтаясь в пенной ванне. Он закрылся на запор и почему-то не открыл даже Зое, хотевшей потереть ему спину.

А затем женщины делали ему перевязку. Они охали, ахали, кривились от страха и даже, глядя на жуткий обрубочек, всплакнули – обе, разом.

А после повели Игоря в комнату, куда был перенесён из кухни раздвижной стол, покрыт праздничной скатертью и уставлен яствами. Не такими, конечно, как в штаб-квартире черномазого мафиози Карима, но всё же на уровне. Были здесь и консервы – кильки в томате, и колбаса была «Студенческая», и салат из огурцов с луком, и разогретая печень с картошкой... У Игоря слюнки закипели. А посреди стола возвышалась бутылка французского золотого шампанского. Игорь хотел объявить о своём сухом законе, но лишь заикнулся, обе его женщины замахали в негодование руками: как можно! По такому случаю! С того света, можно сказать, вернулся! Пришлось выпить бокал, потом и второй.

А дальше – Игорь рассказывал подробности своего житья-бытья в плену, описывал своих похитителей, почему-то выставляя всё в несколько комическом виде, пошучивая. Но Зоя с Ариной всё равно слушали, округлив глаза, вновь охали и ахали. А после рассказа мужа, уже Зоя расписывала, как собирала по крохам денежки, как убила её мерзавка цыганка, и как спасла всё в конце концов Арина. Если б не Арина – конец бы всему! Арина – настоящая подруга! Жаль, что столько лет не общались... И жаль, что она, Арина-то, насовсем уезжает...

Да, да! Завтра. Арина засобиравлась домой: уже смеркается, а ей завтра утром на самолёт с дочкой, сначала до Москвы, где уже ждёт муж, а там и – за кордон. Так что – *ауфвидерзеен*.

Игорь пошёл проводить гостью...

* * *

Они сидели с Ариной в «Центральном», пили дагестанский коньяк, закусывали шоколадом и яблоками.

Игорь сначала не хотел сюда идти, но Арина убедила: у неё остались ещё деревянные, их всё равно надо потратить, да и проститься следует по-человечески, путём. А домой, к Зое вернётся через часик – ничего страшного...

Знакомая горячая волна уже плескалась в организме Игоря, приподымала его, бодрила. Он уже сам подливал и себе, и Арине, он уже не мог отвести взгляда от её влекущих бездонных глаз, он уже, даже не посмотрев окрест себя, притянул к себе Арину и прижался истосковавшимся ртом к её родным податливым губам...

– Как же я буду без тебя? Как? – выдохнул он, прервав поцелуй, но не отнимая лица от лица.

– Не надо так говорить, не надо о плохом, – ласково, призывно улыбнулась Арина. – Я ж квартиру не продала, на бабушку оставляю – она уже приехала вчера. Я ж буду тосковать, я ж буду приезжать... А может – если не понравится – и совсем вернусь. Так что, милый ты мой, родной и разъединственный Игорюша, всё у нас только начинается...

И она сама впилась в его губы ненасытным влажным поцелуем. Потом отстранилась, деловито, решённо сказала, вынимая кошелек:

– Не надо здесь время терять. У меня дома получше коньяк есть.

Игорь хотел возразить: «А Зоя?» – но вместо этого выскочило:

– А бабушка?

– Ей восемьдесят лет и она уже не очень хорошо слышит, – усмехнулась Арина. – Не дрейфь.

Он вздрогнул, услышав знакомое словцо, что-то было мелькнуло в памяти, но он отогнал прочь все чёрные мысли. Голова кружилась мельничным колесом.

– Идём! – решительно пристукнул Игорь по столу левой рукой и скорчился от дикой боли. Свежий бинт начал медленно набухать алой кровью.

СПОРТЛОТО-91

Рассказ

1

Савелов всё ж таки не сдержался, саданул кулаком по баранке «рафика» и, нарушая обет, смачно матюгнулся:

– В мать вашу так! Бабы чёртовы! Только б по магазинам шастать!

В салоне микроавтобуса, несмотря на распахнутые дверцы, – как в духовке: хоть пироги пеки. Владислав Евгеньевич расстегнул последнюю пуговичку на вороте безрукавки, собрал пот с шеи мокрым платком, протёр краем рубашки запотевшие очки и выбрался из-за руля на волю. Но на воле, на раскалённой асфальтовой улице, слаще не стало – июль залил город густым киселём зноя. Савелов выудил сигарету из пачки, подпалил: дым повис, закачался плотным облачком на одном месте.

Та-а-ак, на часах уже почти два. Пока соберутся, пока доедут, пока с зарплатой управятся – часов пять звякнет. Как бы на собственный юбилей не опоздать – вот хохма-то будет. Чёр-р-рт дери этих женщин! Самому, что ли, в ГУМ смотаться? Да разве бросишь эту дурацкую сумку с деньгами. Тамарка оставила все тыщи на сидении, а ты, изволь, сторожи...

Владиславу Евгеньевичу сегодня, 7 июля 1989 года, настукало ровнёхонько сорок. Роковой рубеж в судьбе любого мужика – прощай молодость! Празднество затевалось раздольное, гостей приглашали аж из Москвы. И вот, пожалуйста, – такая обидная закавыка. Директор совхоза кайфует в отпуске, где-то на югах, шофёр его, Петька, само собой, тоже с «волжанкой» отдыхает, а ему, главному инженеру Савелову, пришлось в собственный день рождения играть роль водителя – везти бухгалтершу с кассиршей в область за зарплатой. Он и в обычные-то, проходные дни рождения всегда отгул брал и отдыхал на всю катушку, а тут... Чтоб вас и так и этак!..

Впрочем, стоп! Дал же зарок сегодня не злиться, не ругаться – Бога не гневить. А с завтрашнего дня – решено намертво – он, Владислав Евгеньевич Савелов, начинает новую, совершенно другую жизнь. Даже опохмеляться не будет и потом позволит себе стопку лишь на Новый год. Курить бросает напрочь. С матерками завязывает. По утрам – физзарядка и бег трусцой, как Славик Дольский. Всё, пора начать жить по-человечески, хватит свой век укорачивать. Он глянул в зеркальце микроавтобуса: вон, мешки под глазами, на висках седина проблёскивает...

– Ой, Владислав Евгеньевич, здрасте! Ой, как хорошо! Вы уже домой сейчас?

Савелов обернулся: девчонка, маленькая, пухлявенькая, с каталкой, в каталке ребёнок тарашится. Рядом – громадная сумка. Кто это?

– Я – Галя Лукошко. Не узнали, Владислав Евгеньевич? У меня мама – на ферме, дояркой, Прасковья Фёдоровна...

– А-а-а, – припомнил главный инженер, – да-да... Здравствуй. Здесь, в городе теперь живёшь?

– Да я уж второй год. Муж-то у меня на заводе, на «Электроприборе» слесарит. Вот с дочкой, с Катериной, к маме – надо с огородом ей помочь... И как я хорошо вспомнила: думаю, сегодня же получка в совхозе – должна машина в банк приехать. И – точно. Вот повезло!

– Гм-м, – Савелов построжел, загмыкал. – Тут это... э-э-э... Галя, не положено с нами-то: деньги везём. Инструкция есть...

Девчушка распахнула голубые глазищи, вмиг затуманила их слезой.

– Ой, а как же? С коляской, с сумкой, с дитём в автобус в пятницу и не пробиться... Вы ж знаете...

Владислав Евгеньевич скривился: ну и денёк! Он уже предугадывал, что уступит девчонке (ишь, захлюпала), но по инерции ещё кочевряжнулся:

– Ладно, сейчас придут Зинаида Григорьевна с Тамарой, если согласятся – возьмём.

– Ой, спасибочки! – воспрянула Галя Лукошко, подхватила на руки гукающую Катерину и сложила коляску, нимало не сомневаясь – женщины возьмут её сторону.

2

Тамара Кузовкина поспешала рысцой вдоль бесчисленных колонн областного ГУМа, растопырив руки с тяжёлой сумкой и объёмистым коробом. Можно подумать – рвалась на вокзале к поезду. Пот заливал глаза, грозя размыть тушь, сердце ухало, но Тамара задорно напевала «тру-ля-ля» от радости и восхищения собой. Надо же, как ловко всё провернула!

Когда Зинаида Григорьевна увязалась за ней в магазин, Тамара подумала: всё, задание коллектива сорвёт. Как водится, дотянули до последнего: сегодня уже провожать Зинаиду Григорьевну на заслуженный, как говорится, отдых, а подарка ещё нет как нет. Развели, правда, повыспросили конторские – главной бухгалтерше давно мечтается о фарфоровом чайном сервизе.

И вот какая она, Тамарка, всё же молодец, как придумала – недаром Славик всё твердит, что она у него умница. Завлекла Зинаиду Григорьевну в подарочный отдел, понаблюдала: старушка как прилипла взглядом к одному сервизу, так и отойти не могла. Да и то! Дрезденский тончайший фарфор, по густо-сиреневому фону роспись золотом, изумительная плавность линий. Тамара прикинула: денег выделенных – тютельница в тютельку, даже рубль ещё остаётся на ленту атласную.

Потом потащила Зинаиду Григорьевну в детский отдел. Та, бабушка двух внуков, сразу закопалась с головой в ползунках, пинеточках, комбинезончиках, а Тамара бегом, бегом назад к сервизу – купила, упаковала и потащила к микроавтобусу. Коробка с подарком ловко упрячется за последним сиденьем, так что для старушки вечером будет полнейший сюрприз-сервиз.

А главное-то, главное: Тамара успела в обувном отделе отхватить белые «лодочки» к свадьбе. А то всё пошучивала сквозь тревогу: мол, вот в этих самых адидасовских кроссовках, в каких сейчас бегают, и к венцу идти придётся. Но вот купила-таки: одна пара её размера, 34-го, и случилась – редкий номер. А ещё она – вот тоже удача так удача! – в комиссионном отделе высмотрела новёхонький комплект французского белья и опять-таки точнёхонько её размера. У неё фигура-то именно французская – пацан пацаном. Славик в первую брачную ночь обалдеет: какие кружева, какие вырезы и разрезы, всё полупрозрачное.

До свадьбы оставалась ровно неделя. В следующую субботу она, Тамара Кузовкина, станет Тамарой Ивановной Дольской. Дай-то Бог! Тамара до сих пор боялась верить своему счастью. И что он, спорторганизатор совхоза, секретарь комитета комсомола, сильный, гибкий, красивый, с ямочкой на волевом подбородке (ух, как на певца Александра Серова похож, особенно когда поёт под гитару!), что он углядел в ней, в Тамаре? Её мальчишки-то до сих пор Тамаркой да Томкой кличут, совсем за девчонку держат. А отчим, как узнал об их отношениях со Славиком, охладил зло: кому, дескать, дура безмозглая, веришь? У тебя ж ни рожи ни кожи – балуется он с тобой... Как же, «балуется»? Через неделю супругами официально станут. Не она же к венцу Славика потащила, сам предложил...

Тамара, совсем захлебнувшись, подскочила к «рафику», прервала заворчавшего было Савелова:

– Владислав Евгеньевич, миленький, у-у-ух, простите! Знаете же – тётъ Зине подарок покупала. Вот – спрятать надо. Она сейчас уже тут будет. У-у-ух! Привет, Галя! Домой?..

Только коробку заныкали, показалась через дорогу от светофора семенящая Зинаида Григорьевна. По лицу её читалось: понабрала пискунам своим целое беремя подарков. Владислав Евгеньевич повеселел, засуетился.

– Быстренько, бабоньки, быстренько! Время не ждёт. Ну-ка, опля!

Он помог Гале Лукошко затащить коляску, сумку. Все устроились, расселись. Савелов бежал микроавтобус, взгромоздился за руль, дал двигателю питание, поправил бодро очки.

– Ну, с Богом!

В это обеденное пустынное время машины на московской трассе встречались редко. Савелов, выбравшись из города, поддал газу. Сейчас прокрутят пятьдесят кэмэ, свернут на свой родной просёлок, а там до Глазково всего-то восемь вёрст. По обе стороны дороги сплошными зелёными стенами с белыми столбиками берёз тянулись дремучие лесополосы. Время от времени, на перекрёстках, они обрывались широкими проломами, и тогда в просвет далеко были видны сочные ворсистые ковры овсов, свёклы, молодой кукурузы. Жизнь бурно цвела в красках обильного лета. В салоне «рафика» при открытых окнах приятно провевало, наносило запахом зеленей. Хорошо, покойно – самый отдых, когда хлопоты позади и ты в дороге.

– Зинаида Григорьевна, – на миг обернулся Савелов, – вы уж меня простите, но, честное слово, не могу я сегодня вас проводить.

– Куда? – искренне удивилась главбух.

– Как куда? На заслуженный отдых, конечно. Ведь у вас девятого, в воскресенье, юбилей? Ну вот мы и решили сегодня устроить торжественные проводы на пенсию – понедельник-то день тяжёлый. Так что – готовьтесь. Я уже с парторгом всё обговорил. А у меня, сами понимаете, свой сегодня юбилей. Брат из Москвы приехал, сына из Воронежа ждём... Вы уж простите!

– Да что вы, что вы, – замахала сухой коричневой ладошкой Зинаида Григорьевна. – Я вообще не хочу никаких торжеств. Что вы!

– Нет, нет, Зинаидочка Григорьевна, миленькая! – всполошилась Тамара. – Тридцать пять лет на одном месте... Это же раз в жизни бывает – как свадьба!

– Ну, свадьба и не одна может быть, – хохотнул Савелов. – Я вон дважды на собственных свадьбах гулял.

– То вы, Владислав Евгеньевич... А кстати, Владислав Евгеньевич, вы домой уйдёте, а нам с Зинаидой Григорьевной отдуваться, да? Ведь дали только половину – всего сто четыре тыщи. Да и гляньте, в каком виде: одни сотенные и полусотенные – что я с ними буду делать, как делить?

Тамара вжикнула молнией клеёночатою хозяйственной сумки и показала всем содержимое – толстые пачки 50- и 100-рублёвых купюр.

– Пожалуйста! Только-только четыре тыщи дали десятками. Ну как я зарплату буду выдавать? И кому? На всех не хватит.

– Ну, во-первых, – веско, начальственным голосом распорядился Савелов, – всем конторским выдашь, чтоб не лаяли. Потом – дояркам и скотникам, свекловичницам обязательно. Ну, а что останется – передовикам. Там с парторгом решите – кому. Остальным объясняйте – получают в понедельник.

Савелов опять на мгновение обернулся, заметил, как заворожённо уставилась на радужные пачки Галя Лукошко, усмехнулся:

– Что, громадные деньги? Да-а-а, здесь бы на одного, так и до конца жизни можно не работать...

Минут пять ехали молча. Савелов глянул в зеркальце:

Зинаида Григорьевна клевала носом, клонилась в дремоте к коленям. Галя Лукошко, нимало не беспокоясь, выпростала большую сдобную грудь и прижала притихшую Катерину к

вкусному шоколадному соску. Тамара копошилась в своих свёртках, доставала, видно, туфли свадебные – похвастаться. Сумка с деньгами преспокойно валялась на втором сидении.

«Рафик» вдруг дрогнул, почуяв тормоза, замедлил бег и начал прижиматься к обочине, останавливаться.

– Что случилось?!

3

К пяти часам вечера у конторы совхоза «Глазковский» собралось всё село. Пересуды, реплики, охи, ахи.

Микроавтобус с главным инженером, бухгалтером, кассиром и зарплатой исчез бесследно, словно растаял и испарился под безжалостным солнцем. Главный агроном на своём «пирожке» уже сгонял в город, узнал в банке: деньги, правда в половинной сумме, были выданы ещё в час дня. Тёмно-зелёный «рафик» от здания банка отъехал около двух – это зафиксировал водитель «Нивы», загоравший на стоянке с утра. Агроном с участковым снова помчались по дороге в областной центр, надеясь что-либо обнаружить. Уже позвонили и в милицию – дело серьёзное.

Несколько особняком – так как-то само собой получилось – у конторы стояла кучка людей, на которых остальные избегали смотреть: уже зарёванная дочь Зинаиды Григорьевны с ребёнком на руках, тоже плачущая беременная жена Савелова, рядом – мрачные его брат и сын. Матери Тамары Кузовкиной не было видно, она, пользуясь затишьем в конторе, спешила отмыть в ней полы. Насупленный же отчим Тамары держался от родственников пропавших чуть в стороне, поближе к толпе.

И тут гомон стих, все уставились, наблюдая, как к конторе подкатывает на своём спортивном велосипеде Славик Дольский. Он был, вероятно, единственным человеком, кто не знал ещё о зловещем ЧП. Катил Славик как-то странно: переднее колесо его велика явно выписывало вензеля. Белые лампасы на адидасовских штанах Славика испачканы зеленью, локоть левой руки кровавится ссадиной, жокейская шапочка с большим пластиковым козырьком сползла на самые брови.

Что такое? Батюшки! Да неужто совхозный спортсмен и вожак молодёжи в зюзю пьян?! И правда, Славик Дольский находился явно в крепком подшофе, что – не будь сейчасных обстоятельств – тоже посчиталось бы чрезвычайным происшествием.

Колька Тулин, ближайший Славин дружок, кинулся ему навстречу первым сообщить новость.

– Слыхал, Славик?

– Чего? Про убийство?

– Типун тебе! Ты чё? Какое убийство?

Славик встряхнулся, напряг скулы.

– Да болтают старухи, уже слышал...

– Так пока не знаем ничё. Ищут вот – пропали. Томка там... А ты где это нарезался? Ты ж трезвенник-язвенник...

– Да так, случайно...

И тут раздался вскрик: «Едет!»

Все вскинулись, подумав – «рафик». Но на околице показался синий «москвичок» агронома. Он отчаянно пылил по просёлку, торопясь на всех порах с какой-то вестью.

Весть эта оглушила глазковцев. Жена Савелова взывала в голос, тут же захлебнулась криком и грохнулась оземь – мужики и подхватить не успели. Зарыдала и дочь Зинаиды Григорьевны. Завсхлипывали-заахали бабы в толпе. У матерей, чьи дочки с малышами наезжали

теперь из города, остановились от жуткого предчувствия сердца. Славика Дольского начало трясти крупной дрожью, он закрипел зубами, из глаз его выдавились слёзы, губы покривило судорогой. Он развернул велосипед, разогнал, вскочил на ходу в седло, но сорвался на раму, чуть не грохнулся, однако удержался, напарил кроссовками педали и рванул прочь от людей – стыдась, наверное, ненужных слёз.

– Да-а, Славик-друг, – пробормотал Коля Тулин. – Вот чё жизнь-падла делает, чтоб её!..

4

Милицейский наряд с трудом обнаружил совхозный «рафик» в четырёх километрах от села, за лесополосой.

Навела на него большая галдящая стая ворон. Он стоял вплотную к деревьям и кустам, сливаясь с ними цветом. Из открытой дверцы салона зелень травы густо закапала-запятнала уже застывшая на жаре кровь. Плотная туча опьяневших мух гомозилась над ало-вишнёвой лужицей, гудела внутри микроавтобуса. Даже выдавший виды майор, первым заглянувший в «рафик», невольно вздрогнул.

Впереди, уронив половину головы на руль, ссутулился труп мужчины. Именно – половину: затылочная часть черепа была снесена полностью, вокруг кошмарной раны топорщились забрызганные кровью и мозгами абсолютно седые волосы. В салоне были обнаружены три женских трупа: старая женщина, скорчившись, прижав руки к изрешечённой картечью груди, лежала на полу в луже крови. Одна девушка сидела, откинувшись навзничь на спинку сидения, вместо лица кровавился у неё бесформенный кусок мяса. Вторая девушка прислонилась головой и плечом к стенке автобуса: у неё зарядом картечи разворотило шею и верхнюю часть обнажённой левой груди. На коленях трупа подёргивался и попискивал ребёнок, весь в крови...

Кольца, серьги, кошельки – всё осталось при мёртвых, лишь пропала сумка с совхозной зарплатой. Судя по всему, убийцы (или убийца) действовали хладнокровно. Отпечатков пальцев не осталось, лишь по полу в салоне на быстро загустевшей крови, как на воске, отпечаталась подошва старого кеда китайского производства, размер – сорок четыре. Две сыскные собаки никак не брали след: от места преступления вдоль лесополосы уходила остропахучая, непереносимая для овчарок махорочная дорожка. Милиционеры потащили ищеек на поводках, надеясь, что махорочная засыпка вскоре кончится, и след откроется, но через километр путь прервала речушка. Собаки и вовсе уткнулись в тупик, забастовали.

Громадные силы – милицию, прокуратуру, КГБ – бросили на раскрытие этого чудовищного преступления. Ключевой вопрос, который волновал угрозыск: почему микроавтобус остановился и съехал с дороги за лесополосу? И главный инженер, и бухгалтер с кассиром инструкцию знали: при транспортировке денег строжайше запрещено останавливаться даже по требованию инспектора ГАИ. Кто их смог остановить?.. Кто-то смог. И этот «кто-то» отлично знал, что в «рафике» везут большую сумму денег. А знать об этом могли все работники совхоза «Глазковский», а также их родственники, проще говоря – все жители села от мала до велика. Плюс ко всему о «денежном» микроавтобусе знали несколько банковских служащих и те их знакомые, кому они при желании могли сообщить соблазнительную информацию по телефону или лично. Ну и, разумеется, не исключалась и версия случайного ограбления – чего только не бывает в сегодняшние смутные времена в наших глухomanных палестинах.

В конце концов, следствие пришло к следующему предварительному выводу: убивал и грабил один человек, стрелял он из обреза двуствольного ружья 16-го калибра по всей видимости марки ИЖ-58, всаживал в жертвы волчью картечь номер 7,15. Первой погибла главбух. Затем, вероятно, преступник под дулом заставил Савелова съехать с дороги за лесополосу и уже там снёс ему голову. После этого на глазах у парализованных страхом Кузовкиной и

Лукошко он перезарядил обрез и расстрелял их в упор. Ни единой гильзы преступник не оставил, но на теле Кузовкиной, в вырезе кофточки, обнаружился пыж, скомканный из обрывка областной молодёжной газеты. Это подкрепило версию о том, что грабитель – местный, из своих.

В Глазково следователи перетрясли в первую очередь всех охотников и бывших эжов. И тех и других оказалось в избытке, но ни один из них на Джека-потрошителя не потянул. Из остальных же глазковцев следователя прокуратуры особенно остро заинтересовал спорт-организатор и комсомольский секретарь Вячеслав Яковлевич Дольский. Во-первых, парень наверняка точнее многих знал, во сколько, куда, на чём и зачем поехала Тамара Кузовкина 7 июля перед обедом. А во-вторых, странно вёл он себя в этот кровавый трагический день, очень странно...

Дольский квартировал у стариков Макаровых в просторной бревенчатой избе. Следователь, нагрянув к Макаровым в середине дня, застал весьма неприглядную картину. Самыми живыми в хате были жирные мухи, клубившиеся над неприбранным столом, и шустрые тараканы, деловито сновавшие по тому же столу и по стенам. Хозяева середь дня всхрапывали на необъятной русской печи. Их постоялец, всхлипывая и бормоча во сне, ворочался на жарких перинах и подушках в горнице. На столе громоздились чашки с квашеной капустой, молодыми огурцами, копчёным салом, жареной рыбой, густой окрошкой и крупно нарезанным хлебом. Порожня бутылка из-под армянского коньяка валялась под стулом, вторая, ополовиненная, стояла без пробки на столе – две-три мухи уже купались-плавали там. В избе – духота, смрад, неуют.

Следователь, морщась, растолкал парня, представился. Дольский приподнялся, икнул, скривил серое небритое лицо в плачущую мину, пьяно промычал:

– Отстаньте же от меня... Я ничего не знаю...

Следователь чуть не размахнулся, чтоб вlepить спортсмену отрезвляющую пощёчину, но тут, кряхтя и охая, спустился с печи дед Макаров и умерил пыл визитёра:

– Ты, мил-человек, не трожь сёдни парня-то, не замай. Токо-токо с погоста, невестушку свою схоронил. Не в себе он, чай не видишь?

Следователь, оставив Дольского (тот вновь опрокинулся в подушки), принялся пока за деда. Иван Силыч держался вполне молодцом, только для прояснения головы попросил у «прокурора» милости хлебнуть чуток «клоповьей отравы» из бутылочки. После вылавливания мух из тёплого коньяка и солидного глотка дед приосанился, вовсе пободрел. И обрисовал полное алиби своего квартиранта.

Седьмого июля Славик Дольский, как всегда, утром сделал пробежку вдоль реки кэмэ на пять, отмахал зарядку, накупался всласть. После завтрака он сел на велик и умчал в контору – корпел там над своими спорткомделами (потом это подтвердили и другие свидетели). Аккурат в полдень притартал домой на велосипеде полную спортивную сумку коньяка, 12 бутылок – по случаю к свадьбе ухватил в сельпо. И вот как сели, значит, обедать-то, тут Вячеславий-то и предлагает: мол, а не попробовать ли нам, старички-родители, коньячок этот самый – не дай Бог поддельный всучили. Иван Силыч подумал, что парень шуткует – ведь не пьёт сам, не курит. А тот и впрямь: бабах – бутыль на стол. Ну, кто ж откажется? Славик раскупорил, разлил по стакашкам и речь сказал:

– Конец скоро моей бобыльской холостяцкой жизни. Хочу испробовать напоследок разгульной свободы – напиться желаю.

Ну и хряпнули: мужики побольше, Марья Захаровна из стопочки. А коньяк этот самый – ух и крепок вражина оказался. Прямо с ног валит. Так жара ещё – ну её к лешему! Вот как бутылке-то опорожниться, они все трое, значит, и осовели. В сон ударились. Поспали всласть, а после Славик же и разбудил Ивана Силыча с Марьей Захаровной: мол, хватит дрыхнуть, похмеляться в пору. Распочал новую бутыль, налил себе и старику, а старуха руками

замахала – не буду, мол. Ну и Бог с ней! Они вдвоём ту бутылочку и усидели – под закуску-то чего же не пить? А тут соседка прибегает: слышали, мол, автобус с людьми и деньгами пропал...

– А время? В котором часу вас квартирант разбудил, вы запомнили, Иван Силыч?

– А как же! Аккурат кукушка выскочила и три часа прокукала.

Следователь взглянул на ходики в простенке, сверил со своими – стариковская кукушка служила точно.

– Покажите мне, пожалуйста, обувь постояльца.

Дед проворно притащил из горницы кроссовки: Славик Дольский носил сороковой размер.

Последующие показания самого Вячеслава Яковлевича Дольского и Марии Захаровны точнёхонько совпали с рассказом Ивана Силыча. Лишь добавилось к сведениям, что локоть Дольский разбил и брюки измазал травой, упав с велосипеда по дороге к конторе – опьянел с непривычки.

5

Почти год следствие крутило-раскручивало это дело.

Но, увы, концов так и не нашли. Глазковское преступление попало в процент нераскрытых. Оставалась мизерная надежда, что рано или поздно глазковский душегуб влипнет на другом преступлении, и тогда всплывут его прошлые дела. Хотя, конечно, сто тысяч умному человеку может хватить на всю оставшуюся жизнь.

Дошлые-ушлые, хладнокровные-трезвые как раз и множат процент нераскрытых преступлений.

6

В Сергеевке нового физрука школьного не очень-то поначалу взлюбили.

Держался он на особицу, нелюдимо. Вроде бы всё при нём, красавец парень, а на девок и баб ноль внимания, в клубе не показывается. Да и вообще он какой-то сторонний: здесь, в Сергеевке, почти все родственники меж собой, а кто не родственник, так всё равно по-свойски близок – так давно рядышком, через забор живёт. А этот приехал откуда-то из соседней области, чужак. Купил избёнку на отшибе за 300 рэ и зажил бирюком. Хоть директору восьмилетки казалось бы только радоваться: в кои веки нашёлся специалист по физвоспитанию, но вот ведь опять запятая – попахивает частенько от физрука спиртным. Слаб на выпивку Вячеслав Яковлевич, не воздержан. Директор беседовал с ним и не раз, и не два, но строгих мер почему-то не применял. Вскоре уже вся Сергеевка знала: год назад у физрука страшно погибла за неделю до свадьбы невеста. Убийцу так и не нашли. Сергеевцы, особенно бабы, помягчили к несчастному парню, простили и неулыбчивость, и пристрастие к выпивке.

А немного погодя жители деревни с одобрением заметили – судьба Вячеслава Яковлевича вроде бы устраивается: начались у него всякие хорошие отношения с Лидочкой, Лидией Ивановной, заведующей медпунктом. Она тоже недавно приехала в Сергеевку, окончив медучилище, жила на постое у старухи Миронихи. Ходили-гуляли молодые люди по-над вечернею рекой недолго, уже к Новому году Лидочка собрала свой чемоданишко, и Вячеслав Яковлевич перевез его на велосипеде в свою приземистую хатёнку. Свадьба получилась сверхскромной, тихой. Лидочка была детдомовской, Славик отца своего никогда не видал, а мать умерла уже лет пять тому. Из приглашенных учителей-коллег пришли три-четыре человека,

да сидела за столом ещё бабка Мирониха и всё чего-то плакала, глядя на Лидочку, и мелко-мелко тайком её крестила:

– Господи, спаси и сохрани сиротку... Господи, избавь её от тёмных сил...

7

В первую брачную ночь Славик до смерти перепугал юную свою жену.

Гости разошлись рано, сразу после боя московских курантов. Потом были жаркие объятия, лёгкие слёзы, счастливый смех и – поцелуи, поцелуи, поцелуи. Уже под утро, надумав спать, они решили выпить по глоточку за семейное счастье. Иначе, уверил Славик, ему не уснуть. Он плеснул коньяку Лидочке чутка, себе же вбухал полный стакан. Лидочка затревожилась – зачем, милый? Но Славик успокоил:

– Ты ж видела, я за столом две стопки только... Не бойся, Лид, вот сейчас выпью, а с завтрашнего дня – ни-ни. Просто сейчас надо крепко заснуть и отоспаться.

Они чокнулись, ещё раз крепко-крепко, до перехвата дыхания, поцеловались и так, в объятиях друг друга, моментально потеряли дневное сознание, провалились в сон.

А через час Лидочка растолкала супруга.

– Слава! Славик!

Она вскочила с кровати, включила свет. Её била дрожь, худенькие плечи под прозрачной сорочкой ходили ходуном, глаза – в пол-лица.

– Боже, Слава! Как ты стонал! Как скрипел зубами! Что? Что случилось?

Дольский откинулся без сил на подушки, вытер одеялом мокрое от испарины и слёз лицо.

– У-у-уф!.. Приснилось что-то... Душно у нас.

Он выкарабкался из постели, так, в одних трусах и босиком, прошлёпал к двери, распахнул и начал жадно, как пиво с похмелья, хлебать студёный кислород из сенок. Сердце толкалось в горло. Кошмары, проклятые ночные кошмары – когда же они иссякнут?! Эти ошметки студенистых мозгов... Белеющие прямо на глазах волосы... Предсмертный безумный взгляд Тамары... Писк-плач ребёнка – зачем, зачем этот ребёнок?... И – кровь, кровь, кровь!..

Всё, хватит – полтора года минуло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.